
БОЛГАРСКАЯ РУСИСТИКА

2022/3

Орган Общества русистов Болгарии
СОФИЯ 2022

Редакционный совет:

Доц. д-р Антония Пенчева, доц. д-р Силвия Петкова, проф. д-р Елена Стоянова, проф. д-р Гочо Гочев, проф. д-р Стефка Георгиева

Международный редакционный совет:

проф. д. ф. н. Юрий Прохоров (Россия)
проф. д. ф. н. Елена Иванова (Россия)
проф. д. ф. н. Мария Котюрова (Россия)
проф. д. ф. н. Йенс Херлт (Швейцария)
проф. д. ф. н. Петр Буняк (Сербия)
проф. д. ф. н. Катажина Воян (Польша)
доц. д-р Ладислав Вибожил (Чехия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

доц. д-р Илиана Владова – главный редактор – docvladova@mail.bg
проф. д-р Валентина Аврамова – зам. гл. редактора
доц. д-р Радослава Илчева – зам. гл. редактора
доц. д-р Ценка Досева
ст. пр. Светослав Арсениев – отв. секретарь

Журнал «Болгарская русистика» включен в Национальную библиографическую базу данных научного цитирования РИНЦ по адресу: <http://www.eLibrary.ru>
ISSN 0323-9160 (print), ISSN 1313-3713 (online)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

*Г. Джинджолия*ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ СЕРДЦА И ДУШИ
В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XIX-XX ВВ. 5*К. Сансызбайкызы*О ФОРМИРОВАНИИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
УЧАЩИХСЯ 22

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

*П.С. Филипов*ЭСТЕТ ПЕТРОНИЙ В РОМАНЕ СЕНКЕВИЧА «QUO VADIS
DOMINE?» 29

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА

*В.Х. Недялкова, А.С. Баранова*К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ
ТРАНСФОРМАЦИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ПУБЛИЦИСТИКИ 35*В.С. Манчев*О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РУССКИХ
ТРАНСФОРМИРОВАННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИХ ПЕРЕДАЧИ НА БОЛГАРСКИЙ ЯЗЫК (НА
МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ
ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ) 53*С.В.. Арсениев*О ПЕРЕДАЧЕ АББРЕВИАТУР В ГОДОВЫХ ФИНАНСОВЫХ
ОТЧЕТАХ КОМПАНИЙ *БЪЛГАРИЯ ЕР* И *АЭРОФЛОТ* 62

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

*Д.Д. Боримечкова*МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ УЧЕБНИКА ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ
«РУССКИЙ С СОБОЙ. УРОВЕНЬ А1 +» 73

ХРОНИКА

Ц.Х. Ралева

ИЗ ЖИЗНИ РУСИСТОВ..... 83

ПЕРСОНАЛИИ

В.М. Касьянова

УЧИТЕЛЬ УЧИТЕЛЕЙ: КНИГИ Н.М. ШАНСКОГО ДЛЯ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА (К СТОЛЕТИЮ СО
ДНЯ РОЖДЕНИЯ)..... 87

ЮБИЛЕИ

ДОЦЕНТУ ДАМЯНУ ПЕТКОВУ 80 ЛЕТ 98

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ 102

АДРЕС РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА 104

ЛИНГВИСТИКА

Джинджолия Гигла
доктор филологии, доцент
Западночешский университет
кафедра русского языка
Чехия, г. Пльзень
e-mail: giglad.17@gmail.com

Dzhindzholia Gigla
PhD in philology, associate professor
University of West Bohemia
Department of Russian Language
Czech Republic, Pilsen
e-mail: giglad.17@gmail.com

Г. Джинджолия

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ СЕРДЦА И ДУШИ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XIX – XX ВВ.

Аннотация. Статья посвящена изучению тропических обозначений *сердца* и *души* в русской поэзии XIX – XX веков. Прослеживается эволюция тропов, устанавливается состав устойчивых образов и способы их переосмысления в ряде идиостилей (А. Фет, Ф. Тютчев, Я. Полонский, И. Анненский, А. Блок, Н. Гумилев, М. Цветаева, И. Бунин, Б. Пастернак и др.). Отмечается преемственность некоторых образов (*музыка, птица, вода, огонь* и др.), ослабление и угасание традиционных смысловых связей (например, *сердце/душа – храм*), возникновение и усиление новых.

В XX веке возникает образное уподобление *души/сердца* жилищу, дому, предметам обстановки, местам пребывания человека и др. Смысловые связи, в поэзии XIX века только намеченные, в XX веке приобретают широкое распространение (*сердце/душа – звери, насекомые, рыба*). Для поэзии XX века характерны сниженные ассоциации, депозитизация традиционно высоких образов.

Ключевые слова: троп, метафора, сравнение, перифраза, метафорический эпитет, образ, образная параллель, русская поэзия, поэтическая картина мира.

G. Dzhindzholia

EVOLUTION OF FIGURATIVE TERMS FOR HEART AND SOUL IN THE RUSSIAN POETRY OF THE 19TH-20TH CENTURIES

Abstract. The article explores the trope denotations of *heart* and *soul* in the Russian poetry of the 19th-20th centuries. The article follows the evolution of tropes, establishes the composition of set images and the ways of their reconceptualisation in a range of idiostyles (A. Fet, F. Tyutchev, Ya. Polonsky, I. Annensky, A. Blok, N. Gumilev, M. Tsvetayeva, I. Bunin, B. Pasternak et al.). Highlighted are the succession of some images (*music, bird, water, fire* etc.) the weakening and 'extinction' of the traditional

conceptual links (for example, *heart/soul – temple*), the appearance and consolidation of new ones.

In the 20th century, soul/heart begin being likened to a dwelling, a home, objects in one's environment, a person's residence et al. The semantic connections that were only outlined in the poetry of the 19th century are widely expanded in the 20th century (*heart/soul – animals, insects, fish*). The poetry of the 20th century is characterised by lowered associations, de-poetisation of traditionally high images.

Keywords: trope, metaphor, comparison, periphrasis, metaphorical epithet, image, image parallel, Russian poetry, poetic picture of the world.

Проблема тропических преобразований в русской поэзии привлекает внимание исследователей. Рассматриваются устойчивые образы и направления развития тропов [1; 4; 5; 10; 12], олицетворение в идиостиле (функциональный аспект) [9], эпитеты и метафоры в поэзии Ф. Тютчева [2], сравнения и метафоры в поэзии Б. Пастернака [3] и др. Дано лексикографическое описание тропов в русской литературе [6; 7; 8; 11; 13].

В русской поэзии XIX – XX веков употребительны образные обозначения *сердца* и *души*. Их системному описанию посвящена данная статья. Эта проблема не была предметом специального рассмотрения.

Материал исследования – тропы, опорными компонентами которых являются слова *сердце* и *душа* (метафоры, сравнения, перифразы). Материал получен методом сплошной выборки из произведений русских поэтов XIX – XX веков (А. Майков, Ф. Тютчев, А. Фет, Я. Полонский, И. Анненский, А. Белый, А. Блок, И. Бунин, Н. Гумилев, С. Есенин, Вяч. Иванов, Б. Пастернак, М. Цветаева, Н. Заболоцкий, Б. Ахмадулина, И. Бродский, А. Вознесенский, В. Высоцкий, Е. Евтушенко, А. Кушнер, Б. Окуджава, А. Тарковский и др.).

Цель статьи – описание образных обозначений *сердца* и *души* с учетом их эволюции в русской поэзии XIX – XX веков.

Единицей системного анализа тропов может быть понятие образной параллели [5, с.7]. Поэты разных направлений и школ обращаются к устойчивым образным параллелям *сердце/душа – музыка и музыкальные инструменты; растения, светила и природные явления; различные обозначения человека; ткани, одежда,*

части одежды; огонь и др., которые по-разному преломляются в идиостилиях.

Образная параллель сердце/душа – музыка, музыкальные инструменты используется на всем протяжении XIX – XX веков.

Для XIX века характерно уподобление *сердце/душа – струна, арфа*. Этот образ встречается, например, у М. Лермонтова, А. Фета, Я. Полонского, И. Анненского: *Вдруг стон тяжёлый вырвался из груди, / Как будто сердца лучшая струна / Оборвалась* (М. Лермонтов); *Душа порою в сон погружена, – / Но лишь краса душевная коснется / Усталых глаз – бессмертная проснется / И звучно затрепещет, как струна* (А. Фет); *Чью-то душу слышу я, / В струнных звуках долетает чье-то сердце / До меня* (Я. Полонский). У И. Анненского появляются образы *лиры и бубенчика*: *О сердце! Когда, леденя, / Ты смертный почувствуешь страх, / Найдется ль рука, чтобы лиру / В тебе качнуть, / Миру, желанному миру, / Тебя, мое сердце, вернуть?* (И. Анненский); *А сердце ... бубенчиком бьется / Так тихо у плотной шлеи* (И. Анненский).

В XX веке образы *струны и арфы* сохраняются у А. Блока, Н. Гумилева, И. Сельвинского, И. Бродского, В. Высоцкого. *Струны* могут быть *сердечные*, «*усыпленные жизнью*» (А. Блок), *задушевные* (И. Бродский), *серебряные* (В. Высоцкий). Так, у А. Блока метафорический эпитет и сравнение в генитивной метафоре: *Как ты рвала без сожаленья / Моих сердечных струн четы!; И напев приглушенный и юный / В затаенной затронет тиши / Усыпленные жизнью струны / Напряженной, как арфа, души*. У Н. Гумилева *арфа* – знак внутреннего диалога «*между разными сторонами человеческого я*» [4]: *И отвечала мне моя душа, / Как будто арфы дальние пропели: / «Зачем открыла я для бытия / Глаза в презренном человеческом теле?»*; У И. Сельвинского: *Душевные страдания как гамма: / У каждого из них своя струна*. Для И. Бродского *лира* – проявление поэтического творчества: *Ну, время песен о любви, ты вновь / склоняешь сердце к тикающей лире, / и все слышишь в разноголосом клире / щебечет силлабическая кровь*. С поэтическим творчеством связаны *струны* и у В. Высоцкого: *Влезли ко мне в душу, рвут ее на части, / Только не порвите серебряные струны!; Загубили мне душу, отобрали волю, / А теперь и порвали серебряные струны*.

Круг музыкальных ассоциаций в XX веке расширяется: *литавры, капельмейстер* (А. Блок), *напев* (И. Бунин); *нота* (И. Бродский); *музыка* (И. Бродский, П. Антокольский), *раструб* (А. Тарковский), *дудочка* (Б. Окуджава). Приведем примеры: *Нет, уселся капельмейстер / В сердце собственном моем* (А. Блок); *Он жалок был, но я душой привычной / В нем уловил напев родной души* (И. Бунин); *Точно так же движенье души, / что сродни умолкающей ноте, / замирающей в общей тиши* (И. Бродский); *Ах, Шуберт, Шуберт! Твой «Двойник» / В раструб души ее проник, / И рокотал, и сердце ранил, / И душу страстную тиранил* (А. Тарковский); *Там птицы каркают и стонут. / Синеют к ночи камыши, / и ветры с грустною истомой / все дуют в дудочку души* (Б. Окуджава).

Как видим из примеров, в XIX веке используются главным образом названия струнных музыкальных инструментов. В XX веке к ним добавляются различные ударные и духовые инструменты, название лица, музыкальные термины и т. д.

Сердце и душа уподобляются растениям, светилам, природным явлениям. Параллель ***сердце/душа – растения*** имеет несколько конкретных выражений (*лист, яблоня, стебель, васильки, розы, мак, сад* и др.): *Так что ж под зиму, как листья, / Дрожишь, о сердце, ты...* (И. Анненский); *Сады моей души всегда узорны* (Н. Гумилев); *Васильками сердце светится, горит в нем бирюза. / Я играю на тальяночке про синие глаза* (С. Есенин); *Рву я по грядкам зардевшийся мак. / Маком влюбленное сердце цветет* (С. Есенин); *Хорошо под осеннюю свежесть / Душу-яблоню ветром стряхать* (С. Есенин); *И душа, как стебель тонкий / Под росинкой скатной, никнет* (Вяч. Иванов); *Но просит / Сердце любви, как цветок* (И. Бунин); *Не стремлюсь ли я всем сердцем / К сердцу милой, к сердцу милой, / Как ростки стремятся к солнцу* (И. Бунин); *Как колос налитой, / Полна душа* (И. Бунин); *Так пусть удача светит ей, / Душе, опрятной, как растенье* (Ю. Мориц); *Мгновенно слово. Короток век. / Где ж уместается человек? / Как, и когда, и в какой глуши / распускаются розы его души?* (Б. Окуджава). Поэзии XIX – XX веков известно уподобление ***сердце/душа – звезды, солнце, туча, облако***: *Среди несметных звезд полночи / Как эти две глядят мне в очи... / Им не сойтись никогда. / Среди людей так часто двое... /*

И оба сердца пышут страстью, / И оба сердца рвутся к счастью, / И счастье вечно далеко (А. Фет); Как солнце сквозь этих сверкающих капель – / Твоя, освеженная горем, душа (А. Майков); Полсердца – туча грозовая, / Под ней – всё глушь, всё немота (А. Блок); И сердце, точно солнце, / Расплавленное, жжет, / И, пышно и огромно (А. Блок); Ночью душу твою целовал бы, / Обнимал бы, как сонный туман (А. Блок); То, что мы зовем душой, / Что, как облако, воздушно / И блестит во тьме ночной / Своенравно, непослушно (А. Кушнер).

Для уподобления часто используются различные обозначения людей. **Сердце/душа – жилища, мертвец:** *О, сердце, полное тревоги, / О, как ты бьешься на пороге / Как бы двойного бытия!.. / Так, ты – жилища двух миров, / Твой день – болезненный и страстный, / Твой сон – пророчески-неясный (А. Фет); Шевелится в груди мой мертвец... / Что с тобой, мое бедное сердце? (Я. Полонский); Хвать-похвать, – а сердца нет. / Сердце – крашеный мертвец (А. Блок). **Сердце/душа – пленник/пленница:** *И сердце, пленник зимних вьюг, / Вдруг разучилося сжиматься (А. Фет). Да душа не смеет / Кинуть долгий плен (И. Бунин); О, если забудется, пленница лет. / По мнению многих, душа и паломница (Б. Пастернак). **Сердце – схимник:** *Стань, сердце, вздыхающий схимник (А. Блок). **Сердце – подкидыш:** *И сердце в нас подкидышем бывает, / И так же плачется и также изнывает, / О жизни и любви отчаянно взывает. / Но тщетно плачется и молится оно (Ф. Тютчев). **Сердце – дитя, малютка, ребенок:** *Может быть, сердце утихнет больное / И, как дитя в колыбели, уснет (А. Фет); Сердце – ты малютка (А. Фет); Сердце дремлет, но сердце так чутко, / Помнит все: и блаженство, и боль. / Те лучи догорели давно ль? / Как забыть тебя, грустный малютка, / Синеглазый малютка король? (М. Цветаева); И как ребенок «мама» говорит, / И мечется, и требует покровы, / Так и душа в мешок своих обид / Швыряет, как плотву, живое слово (А. Тарковский); Лелеять буду там один / Я душу – бедную малютку (Д. Пригов). **Сердце – мальчик, девочка:** *О, глупое сердце, / Смеющийся мальчик, / Когда перестанешь ты биться? (А. Блок); Пускай лишь раз, былым дыша, / О вас поплачет втихомолку / Шалунья девочка – душа... (А. Блок); В качелях девочка-душа / Висела, ножкою шуриша******

(Н. Заболоцкий); ... прекрасная, как девочка, душа, / ты так же велика, как хороша (И. Бродский); Смеялись люди за стеной, / а я глядел на эту стену / с душой, как с девочкой больной / в руках (Е. Евтушенко). **Душа – девка**: душа / как в девках заждалась, готовая озлиться (И. Бродский). **Душа – жена, женищина, старуха**: Моя душа осаждена / Безумно-странными грехами. / Она – как древняя жена / Перед своими женихами (Н. Гумилев); Кто держит зеркальце, кто баночку духов, – / Душа ведь женищина, ей нравятся безделки (О. Мандельштам); Душа, чего ты жаждала, о чем алкала? / Молчи о том, старуха! Слышишь? / Ни гу-гу! (П. Антокольский). **Душа – рабыня, раб**: Взор обжег и разум вынул, / Ночью света ослепил / И с души-рабыни скинул / Всё, чем мир ее купил (Вяч. Иванов); Как раб хранит заветный грош в заплате, / Хранит душа одну мечту – о плате (И. Бунин); И глухо стучащее сердце мое / С рожденья в рабы ей продано (В. Луговской); Когда под соснами, как подневольный раб, / Моя душа несла истерзанное тело (А. Тарковский). **Душа – нищая**: Бессонная моя душа ... / Проснулась поутру, как нищая (М. Цветаева). **Сердце – вор**: Слушай, поганое сердце, / Сердце собачье мое. / Я на тебя, как на вора, / Спрятал в руках лезвие. / Рано ли, поздно всажу я / В ребра холодную сталь (С. Есенин). **Душа – еретица, сестра** (М. Цветаева) **сестрица** (А. Тарковский): Скрежещущая еретица / – Саванароловой сестра – / Душа, достойная костра (М. Цветаева); Почему, скажи, сестрица, / Не из райского ковша, / А из нашего напитокя / Захотела ты, душа? (А. Тарковский). **Душа** включается в сочетания с конкретными существительными и **уподобляется крестьянке**: И автомата темная душа / взирает с добротой старомодной, / словно крестьянка, что рукой холодной / даст путнику напитокя из ковша (Б. Ахмадулина). **Сердце – инструктор**: Но сердце, как инструктор в Шамони, / усиленно карабкается вверх (И. Бродский); **Сердце – спорщик**: Сердца не стало. / Спорщик мой где? В окнах ни зги. Пусто на кресле (И. Бродский).

В стихотворении может быть несколько разнотипных образных ассоциаций, например, **сердце – курьер, собеседник**: Бывает, курьером на борзом / Расскачется сердце, и точно / Отрывистость азбуки Морзе, / Черты твои в зеркале срочны. / Я знал, что

пожизненный мой собеседник, / Меня привлекая страшной из тяг, / Молчит, крепясь из сил последних (Б. Пастернак); *душа – вольноотпущеница, пленница, паломница: О вольноотпущенница, если вспомнится, / О, если забудется, пленница лет. / По мнению многих, душа и паломница, / По-моему, – тень без особых примет* (Б. Пастернак). Как развернутый метафорический образ души строится стихотворение Н. Заболоцкого «Не позволяй душе лениться»: *Не позволяй душе лениться! / Чтоб в ступе воду не толочь, / Душа обязана трудиться / И день и ночь, и день и ночь! // ... Не разрешай ей спать в постели / При свете утренней звезды, / Держи лентяйку в черном теле / И не снимай с нее узды! // ... Она рабыня и царица, / Она работница и дочь, / Она обязана трудиться / И день и ночь, и день и ночь.*

Весьма распространенный круг образных ассоциаций – **ткани, одежда, предметы одежды, части одежды**: *Душа моя... / ... тихонько молится, / Приподняв свою шляпу* (А. Блок); *Приди, ласкающая тень, / И душу смутную одень / Своею ризою жемчужной* (Н. Гумилев); *Но ризой думы важной / Всю душу мне одень* (О. Мандельштам); *Душа и волосы – как шелк* (М. Цветаева); *стенает во мне / Назревшее сердце, мой друг в матинэ?* (Б. Пастернак); *А любовь на фотопленке / Душу держит за рукав* (А. Тарковский); *Как плащ, летит его душа* (Н. Заболоцкий); *души обладают тканью, / материей, судьбой в пейзаже* (И. Бродский); *Душу затаянут большой вуалью* (И. Бродский); *Вдруг при свете, нагло, в две руки / Крал тоску из внутренних карманов / Наших души, одетых в пиджаки* (В. Высоцкий); *Получал Алеха / Дырки новые в душе. / Для того ль он душу, / Как рубаху, залатал* (В. Высоцкий).

В поэзии XIX века устойчивый характер имеет уподобление **сердце/душа – огонь**: *И лишь с последнею святыней / Ты пламень сердца схоронил* (М. Лермонтов); *Я ль виновен в том, / Что люди угасить в душе моей хотели / Огонь божественный, от самой колыбели / Горевший в ней, оправданный творцом?* (М. Лермонтов); *Сердце пышет все боле и боле, / Словно уголь в груди я несу* (А. Фет); *Еще душа пылает, / По-прежнему готова мир объять* (А. Фет); *Душа горит и силится во мне / Залить в груди огонь жемчужной пеной* (А. Фет); *Литой изржавеет металл, / Но влитый в стих*

сердечный пламень / В нем вечный образ восприял (А. Майков); Его душа испепелилась, / Вся в бурях творчества сгоря (А. Майков).

В стихотворении И. Анненского «Я думал, что сердце из камня» в *сердце огонь* становится лирическим событием, которое описывается как процесс его непосредственного восприятия: *Я думал, что сердце из камня, / Что пусто оно и мертво: / Пусть в сердце огонь языками / Проходит – ему ничего. / И точно: мне было не больно, / А больно, так разве чуть-чуть. / И все-таки лучшие довольно, / Задуи, пока можно задуть... / На сердце темно, как в могиле, / Я знал, что пожар я уйму... / Ну вот ... и огонь потушили, / А я умираю в дыму.*

Смысловая связь *сердце/душа – огонь* широко распространена и в поэзии XX века: *Полюбуйся равнодушно, / Как сердца горят над бездной. / Их костры далеко зримы, / Озаряя мрак окрестный; Ты, душа, порожденье огня (А. Блок); Где сердце запылает, не сгорая? / В какой пустыне явится глазам, / Блеснет сиянье розового рая? (Н. Гумилев); В сердце бедном много зла / сожжено и перемолото (А. Белый); И сердца незаконный пламень – / Его ребяческая месть (О. Мандельштам); Сбираешь умилений светлых дань, / Росу любви, в кристаллы горных лилий / И сердцу шепчешь: «Угаси пожар! / Довольно полдни жадный дол палили» (Вяч. Иванов); Лишь теперь душа всю сладость / Поняла, какой горела! (Вяч. Иванов); О да, он – мудр! Но сердце в нем чуть тлеет: / Как огонек под кизяком (И. Бунин).*

Эту формулу используют М. Цветаева, Б. Пастернак, А. Ахматова: *Из ночи в ночь валандавшись, / Гормя горит душа (Б. Пастернак); Смерти довериться, смелые, / Что вас заставило, что? / Ужас ли дум неожиданных, / Душу зажегший вопрос... (М. Цветаева); О, сказавший, что сердце из камня, / Знал наверно: оно из огня (А. Ахматова).* Другие примеры: *Необходимо сердцу быть огнивом (И. Сельвинский); Когда, измученный работой, / Огонь души моей иссяк... (Н. Заболоцкий); Вот так и мы с тобой живем / Душа горит и тело тает (А. Тарковский); Огонь души в ее слепом полете / не виден был бы здесь давным-давно, / не будь у нас почти прозрачной плоти (И. Бродский); Огонь сосны с огнем души / В печи перемешайте (Б. Окуджава); И вихрем чувств пожар души задуло, /*

И я не смел или забыл дышать (В. Высоцкий); Его сердце как пламень адовый / все вокруг, все – и лед, и его собственную плоть до тла сжигающий, лишь ее сердца остывшего растопить не в силах (Д. Пригов).

Как в XIX в., так и в XX в. активна **параллель сердце/душа – водные объекты**: океан (М. Лермонтов), море (М. Лермонтов, А. Блок, Вяч. Иванов); речная гладь (А. Блок), река (Вяч. Иванов, И. Бунин), речка (И. Бродский); родник (М. Лермонтов, А. Фет, Я. Полонский), ключ (А. Майков), ручей (А. Блок), источник (И. Бунин); волна (Я. Полонский, И. Бунин); озеро (Н. Заболоцкий).

Сердце/душа – океан: *В душе моей, как в океане, / Надежд разбитых груз лежит (М. Лермонтов).* **Сердце/душа – море**: *В глазах – как на небе светло, / В душе ее темно, как в море (М. Лермонтов); Моря души просторны и безбрежны (А. Блок).* Несколько менее традиционны **прилив, отлив и разлив**: *И сердце мое, как море, / Там бури, прилив и отлив, / В его глубинах много / Жемчужных дремлет див (А. Блок). У вас в душе приливы и отливы (М. Цветаева); Рослый стрелок, осторожный охотник, / Призрак с ружьем на разливе души! / Не добирай меня сотым до сотни, / Чувствую на корм по частям не кроши (Б. Пастернак).* **Сердце/душа – ручей**: *Видишь: сердце – кровавый ручей (А. Блок).* **Сердце/душа – речная гладь, река, речка**: *Сердце все открыто, как речная гладь, / Если хочешь видеть, можешь увидеть (А. Блок); И с высот знакомых вижу вновь раздельным водосклон / Рек души, текущих в вечность – и в земной, старинный сон (Вяч. Иванов); И бьется сердце сладко-подневозльно, / Как сжатая теснинами река (Вяч. Иванов); И мое темнее сердце, / Как река, когда над нею / Облака бросают тени (И. Бунин); Доктор Фрейд, покидаю Вас, / сумевшего (где-то вне нас) на глаз / над речкой души перекинуть мост, / соединяющий пах и мозг (И. Бродский).* **Сердце/душа – родник, ключ**: *Случится ли тебе в заветный чудный миг / Открыть в душе давно безмолвной / Еще неведомый и действенный родник, / Простых и сладких звуков полный (М. Лермонтов); Земли ль из сердца ключ шипящий / Истоки тайные пробил? (А. Майков); Мое сердце – родник, моя песня – волна, / Пропадая вдали, – разливается (Я. Полонский); Пело сердце от восторга, / Пело весело, как птица, / Билось гордо, как источник*

(И. Бунин). *Сердце/душа – волна*: Улыбнешься ли, родная, – / Сердце вновь дрожит и блещет, / Как под солнцем блещут волны, / Что рябит холодный ветер (И. Бунин). *Сердце/душа – водопой*: Провалы отроческих глаз! – Пролеты! / Душ раскаленных – водопой. / – Оазисы! – Чтоб всяк хлебнул и отпил, / И захлебнулся пустотой (М. Цветаева). *Сердце/душа – озеро*: Пусть душа, словно озеро, плещет / У порога подземных ворот (Н. Заболоцкий). Сердце и душа ассоциируются с жидкостью (*текущее сердце, душа течет, сердце текло*): И руки поднял, и с ногтей / Текучим сердцем наземь капишь (Б. Пастернак); *Течет твоя душа в мою* (М. Цветаева); *Всю ночь, до самого света, / Пока не стало светло, / Качалось сердце поэта – / Кипело, пело, текло* (Д. Самойлов).

Традиционной для русской поэзии XIX – XX веков является **связь сердца/души и птицы**. В XIX веке такая связь характерна, например, для творчества Ф. Тютчева, А. Фета, А. Майкова и др. Используются наименования частей птиц (*крылья* – Ф. Тютчев, А. Фет, А. Майков), видовые названия птиц (*голубь* – А. Фет; *соловей* – А. Майков), словообразовательные связи (*птичка* – А. Фет), активны в тропах глаголы, обозначающие различные действия, характерные для птиц (*парить, вспорхнуть/упорхнуть* и др.): *Ах, если бы живые крылья / Души, парящей над толпой, / Ее спасли от насилья / Бессмертной пошлости людской* (Ф. Тютчев); *Взглянул – и пылкое навстречу сердце рвется! / Так, голубь, бурю застигнутый, в стекло, / Как очарованный, крылом лазурным бьется* (А. Фет); *Встрепенись, взмахни крылами, / Торжествуй, о сердце, пой* (А. Майков).

В XX веке образ *сердце/душа – птица* сохраняется. К нему обращаются А. Блок, С. Есенин, И. Бунин, А. Ахматова, А. Тарковский, И. Бродский и др.

В контексте стихотворения возможны построения троп в тропе, выполненные в одном образном ключе. Так, у А. Блока перифразы и сравнения взаимодействуют в развернутой метафоре: *Сердце – легкая птица забвений / В золотой пролетающий час: / То она, в опьяненьи кружений, / Пляской тризну справляет о вас. / Никого ей не надо из скромных, / Ей не ум и не глупость нужны, / И не любит, наверное, темных, / Прислоненных, как я, у стены... / Сердце, взвейся, как*

легкая птица, / Пролети ты, любовь разбуди, / Истоми ты истомой ресницы, / К бледно-смуглым плечам припади! / Сердце бьется, как птица томится – / То вдали закружилась она – / В легком танце летящая птица, / Никому, ничему не верна (А. Блок). Варьируется один и тот же образ. От перифразы *легкая птица забвений* отталкивается развернутая метафора, в ткань которой вплетаются сравнения (*сердце, взвейся, как легкая птица* и *сердце бьется, как птица томится*), предваряющие появление перифразы *летящая птица* (*В легком танце летящая птица, / Никому, ничему не верна*), заканчивающей стихотворение. *Птица* у А. Блока часто наделяется эпитетом *белая*, который имеет в его поэзии символический смысл: *Неустающим слухом ловит / далекий зов другой души... / Так – белых птиц над океаном / Неразлученные сердца; Твоя душа себе берет / Прекрасный образ белой птицы*. По словам И.И. Ковтуновой, в поэзии А. Блока «одно из символических значений слова *белый* – неземная сущность, небесная чистота, высший божественный свет» [3, с. 16].

Разные образы сравнения к одному предмету речи встречаются у многих поэтов. Например, у И. Бунина (*птица* и *источник*): *Пело сердце от восторга, / Пело весело, как птица, / Билось гордо, как источник*.

Устойчивое уподобление души и сердца – родовое обозначение *птица*: *Ты прости, что я в бога не верую – / Я молюсь ему по ночам. / Так мне нужно. И нужно молиться. / И, желая чужого тепла, / Чтоб душа, как бескрылая птица, / От земли улететь не могла* (С. Есенин); *Душа, усилье медиков – ничто. / Она куда-то улетит, как птица, / На дальше, на новое гнездо* (Д. Самойлов); *Почему, скажи, сестрица, / Не из райского ковша, / А из нашего напиться / Захотела ты, душа? / Человеческое тело / Ненадежное жильё, / Ты влетело слишком смело / В сердце темное мое. / Тело может истомиться, / Яду невзначай глотнуть, / И потянешься, как птица, / От меня в обратный путь* (А. Тарковский); *Скажи, душа, как выглядела жизнь, / как выглядела с птичьего полета? / Покуда снег, как из небытия, / кружит по незатейливым карнизам, / рисуй о смерти, улица моя, / а ты, о птица, вскрикивай о жизни* (И. Бродский); *Подобье птиц. Душа его чиста* (И. Бродский); *И душа моя ... / Реет, плачет, словно*

птица, В заколдованном краю (Н. Заболоцкий); И сердце бьется раненою птицей (В. Высоцкий); X – это сердце страдает-томится / и Ц – это сердце страдает-томится / и Ч – это сердце страдает, как птица / а Щ – это сердце уже оттомилось (Д. Пригов).

В поэзии XX века также используются видовые обозначения *птиц*. Уподобление *сердца* и *души* голубю переходит из XIX века в XX век: *Когда зарницу ветром раздувало, / А у меня уж запеклись уста / И сердце трепетало, точно голубь (И. Бунин).* Круг видовых обозначений *птиц* существенно расширяется: *ворон (Вяч. Иванов), чайка (И. Бунин), сокол (Б. Пастернак), дятел (И. Сельвинский, И. Бродский), синица (А. Тарковский), попугай (И. Бродский), стрижи (А. Вознесенский), касатка (Н. Заболоцкий), выпь (Д. Пригов): Я помню сон, / Всех воронов души черней, / Всех вестников верней: / Посол чистилища, он в ней – / как похоронный звон (Вяч. Иванов); Мне снилась осень в полусвете стекол, / Друзья и ты в их шутовской гурьбе, / И как с небес добывший крови сокол, / Спускалось сердце на руки к тебе (Б. Пастернак); В сердце твоём оголтелый дятел / Не для меня долбит о любви (И. Сельвинский); Все сгибается, бьется, кричит; / но меж ними достаточно внятно – / в этих «ребрах» – их сердце стучит, / черно-красное в образе дятла (И. Бродский); Пой, бродяжка, пой, синица, / Для которой корма нет (о душе; А. Тарковский); Знай, что душа со временем пополам / может все повторить, как попугай (И. Бродский); В моих горах стрижами заплещутся / души пойманные твои (А. Вознесенский); И душа моя касаткой / В отдаленный край летит (Н. Заболоцкий); Минутой сердце защемило, / И вскрикнуло последней выпью / То сердце, пролетая выше (Д. Пригов).*

Уподобление *сердца* и *души* крылу, употребительное в поэзии XX века, часто повторяется и в XX веке (А. Блок, Н. Гумилев, А. Белый, И. Бунин, М. Цветаева, А. Ахматова). Кроме того, возникают тропы со словами *перышко* (А. Тарковский), *клювик* (Н. Заболоцкий).

В XX веке используется смысловая связь *сердце/душа – ладья, корабль* (А. Блок), *фэтон* (Б. Пастернак), *самолет* (А. Кушнер, В. Высоцкий), *кляча* (В. Высоцкий) и др. *Душа – ладья, корабль: На новый океан, сердитый и безбрежный, / Усталую ладью души моей спущу (А. Блок); Здесь тишина цветет и движет / Тяжелым*

кораблем души (А. Блок). **Сердце – фэзтон:** Да, надо, чтоб с отвагой юноши / Скиталось сердце фэзтоном, / Чтоб вышло из моей полуночи / Оно тяглом к твоим затонам (Б. Пастернак). **Душа – самолет:** То, что мы зовем душой, / Что, как облако, воздушно / И блестит во тьме ночной / Своенравно, непослушно / Или вдруг, как самолет, / Тоньше колющей булавки, / Корректирует с высот / Нашу жизнь, внося поправки (А. Кушнер); А по облакам скользя, / Взлетят наши души, как два самолета, – / Ведь им друг без друга нельзя (В. Высоцкий). **Душа – кляча:** И ударит душа на ворованных клячах в галоп (В. Высоцкий). Для сопоставления выбирается синоним со стилистически сниженным значением (кляча).

Образная параллель сердце/душа – звери, насекомые, рыба, едва намеченная в XIX веке, активно используется в XX веке.

Сравнение души с пчелой мы фиксируем у А. Фета: *А душа моя так же перед самым закатом / Прилетела б со стоном сюда, как пчела, / Охмелеть, упиваясь таким ароматом.*

В XX веке данная параллель имеет устойчивый характер. *Душа/сердце* уподобляется *пчеле* (А. Блок), *змее* (Н. Гумилев), *теленку* (С. Есенин), *«зверьку в тибетском храме»*, *дельфину* (О. Мандельштам), *бабочке* (М. Цветаева), *зверю* (А. Ахматова, А. Тарковский), *лошади*, *белке*, *мышь* (И. Бродский), *рыбе*, *зверенышу*, *щенку* (А. Вознесенский), *копыту* (И. Губерман). Приведем примеры: *И душа, летя на север / Золотой пчелой, / В алый сон, в медовый клевер / ляжет на покой* (А. Блок); *Знать, недаром в сердце мукал / Издыхающий телок* (С. Есенин); *Как осетр в сетях трепещет, / Бьется бешено, чтоб сети / Разорвать и прыгнуть в воду, / Так в груди у Гайаваты / Сердце сильное стучало* (И. Бунин); *Душа – навстречу палачу, / Как бабочка из хризалиды* (М. Цветаева); *Я голосую за: / То, чтоб дверью стала дверь, / Замок опять замком, / Чтоб сердцем стал угрюмый зверь / В груди* (А. Ахматова); *Как зверь, ощерившись, – / пошла добру помочь, / Душа...* (А. Тарковский); *Сердца рвались, / металась и храпели, / как лошади* (И. Бродский); *Сердце скачет, как белка, в хворосте / ребер* (И. Бродский); *Душа твоя впоследствии как мышшь* (И. Бродский); *Душа моя, мой звереныш, / Меж городских кулис / Щенком с обрывком веревки / Ты носишься и скулишь* (А. Тарковский).

В XX веке образ *сердце – звери* развивается через отношение «целое – часть», например, возникает сравнение *душа, как копыто: С душою, раздвоенной, как копыто, / обеим чужероден я отчизнам* (И. Губерман).

Развитием параллели, основанной на смысловой связи *душа – зверь*, является уподобление *души* жилищу животного (*берлога, логово*). Такой способ уподобления облекается, например, в метафорическую форму у И. Сельвинского, форму сравнения у В. Высоцкого: *Пусть оплетает лукавая сеть – / В берлоге души тебя сохранию* (И. Сельвинский); *Но в душе, как в логове, / Затаился волк* (В. Высоцкий).

Образная параллель *сердце/душа – храм* широко распространена в XIX веке: *Моя душа твой вечный храм; / Как божество, твой образ там* (М. Лермонтов); *Перед тобой во храмине сердечной / Я затворюсь / И юности ласкающей и вечной / В ней молюсь* (А. Фет).

В XX веке образ *храма* встречается у А. Блока: *Пока в душе горит огнями храм, / Чтоб сердце богу поклонилось. Душа сравнивается с храмом* у М. Цветаевой, с «*намогильной часовней*» – у И. Бунина: *Твоя душа – куда ушла? / В шкафу – двустворчатом, как храм* (М. Цветаева); *Она молчит, – ее душа теперь / Пуста, как намогильная часовня, / Где над немой гробницей день и ночь / Горит неугасимая лампада* (И. Бунин). В XX веке образная параллель *душа – храм* ослабевает и угасает.

В XX веке возникает образное **уподобление *души/сердца жилищу***, дому, предметам обстановки, местам пребывания человека. Используются как высокие, так и сниженные ассоциации. Сравнение *сердца/души* и *жилища* имеет родо-видовое выражение: *О, черен взор твой, ночи тьма, / И сердце каменное глухо, / Без сожаленья и без слуха, / Как те ослепшие дома* (А. Блок); *В этой грустной душе ты бродил, как в незапертом доме* (М. Цветаева); *В моей душе, как келья, душной / Все эти песни родились* (А. Блок); *Тесные келейки – наши сердца* (М. Цветаева). Видовое обозначение *хижина* в XX веке имеет единичный характер: *Слова, которые вонзаются, как пламя, / И, в душу залетев, как в хижину огонь, / Убогое убранство освещают* (Н. Заболоцкий).

Образная параллель *сердце/душа* – жилище приобретает частное выражение, например, *окно, окошко* (А. Блок), *створка* (Б. Ахмадулина), *форточка* (А. Вознесенский), *дверь* (Н. Гумилев, А. Межиров, В. Высоцкий): *И дышит утро в окошко твое, / Вдохновенное сердце мое* (А. Блок); *И открылось в сердце дверца* (Н. Гумилев); *Если правда, душа в каждой клеточке, / свои форточки отвори* (А. Вознесенский); *И прямо в двери сердца моего / Стучится ночь, бездонная, веселая* (А. Межиров).

Встречается уподобление *сердца/души* различным помещениям в доме: *души – залы для редких гостей* (М. Цветаева), *в комнате души* (Е. Евтушенко), *душа – совмещенный санузел* (А. Вознесенский). *Душа* получает бытовую проекцию: *Души в нас – залы для редких гостей, / Знающих прелесть тепличных растений. / В них отдыхают от скорбных путей / Разные милые тени* (М. Цветаева); *Мне страшно в комнате / души твоей* (Е. Евтушенко); *Я выйду, ослепший как узник, / и выдам под хохот и вой: / «Душа – совмещенный санузел, / где прах и озноб душевой. / Поэты и соловьи поэтому и священны, / как органы очищения, / а стало быть, и любви»* (А. Вознесенский). В стихотворении, посвященном В. Брюсову, М. Цветаева превращает *сердце* в предмет обстановки (ночник): *Я забыла, что сердце в вас – только ночник, / Не звезда. Я забыла об этом.*

Подведем итоги.

В русской поэзии XIX – XX веков распространены образные параллели *сердце/душа* – *музыка и музыкальные инструменты; растения, светила и природные явления; различные обозначения человека; ткани, одежда, части одежды; огонь* и др., которые по-разному преломляются в идиостилиях.

Образы *огня, воды, птиц* и др., широко распространенные в XIX веке, сохраняются и развиваются в XX веке. Их развитие определяется стремлением расширить круг связей и ассоциаций.

Для уподобления используются обозначения ушедших или новых реалий: *сердце/душа* – *ладья, корабль* (А. Блок), *фаэтон* (Б. Пастернак), *самолет* (А. Кушнер, В. Высоцкий) и др.

Смысловые связи, в поэзии XIX века только намеченные, в XX веке приобретают широкое распространение (*сердце/душа – звери, насекомые, рыба*). Некоторые традиционные для XIX века смысловые связи ослабевают и угасают в XX веке (например, *сердце/душа – храм*).

В XX веке возникает образное уподобление *души/сердца* жилищу, дому, предметам обстановки. Используются многочисленные видовые обозначения, обозначения частей целого и т. д.

Характерная особенность XX века – бытовой характер ассоциаций, депозитизация, снижение традиционно высоких образов: *Я забыла, что сердце в вас – только ночник, / Не звезда* (М. Цветаева); *душа – совмещенный санузел* (А. Вознесенский) и др.

Библиографический список

1. Бакина М.А. Устойчивые языковые формулы в поэзии XX века (на материале поэзии Д. Бедного и Б. Слуцкого) // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформация. – М.: Наука, 1995. – С. 106–143.
2. Григорьева А.Д. Слово в поэзии Тютчева. – М.: Наука, 1980. – 248 с.
3. Ковтунова И.И. Очерки по языку русских поэтов. – М.: Азбуковник, 2003. – 206 с.
4. Кожевникова Н.А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. – М.: Наука, 1986. – 252 с.
5. Кожевникова Н.А. Эволюция тропов // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформация. – М.: Наука, 1995. – С. 6–79.
6. Кожевникова Н.А., Петрова З.Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX – XX вв. Вып. 4: Камни, металлы. Вып. 5: Ткани, изделия из тканей. – М.: Языки славянской культуры, 2017. – 680 с.
7. Кожевникова Н.А., Петрова З.Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX-XX вв. Вып. 1: Птицы. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 471 с.
8. Кожевникова Н.А., Петрова З.Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX-XX вв. Вып. 2: Звери, насекомые, рыбы, змеи. – М.: Языки славянской культуры, 2010. – 512 с.

9. Некрасова Е.А. Олицетворение в идиостиле (функциональный аспект) // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Тропы в индивидуальном стиле и поэтическом языке. – М.: Наука, 1994. – С. 54–105.
10. Павлович Н.В. Парадигмы образов в языке русской поэзии XX века // Язык русской поэзии XX века. – М.: Наука, 1989. – С. 116–130.
11. Павлович Н.В. Словарь поэтических образов. В 2 т. – М.: УРСС, 2007.
12. Петрова З.Ю. Образные обозначения эмоций в русской поэзии XX века // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформация. – М.: Наука, 1995. – С. 79-106.
13. Петрова З.Ю., Фатеева Н.А. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XXI вв. Вып. 6: Человек. Жизнь, смерть, судьба, время. – М.: Языки славянской культуры, 2021. – 872 с.

Кымбат Сансызбайкызы
магистрант 2 курса
Карагандинского университета
им. академика Е.А. Букетова
Республика Казахстан, г.Караганда
e-mail: koschanowa@mail.ru

Kymbat Sansyzbaykyzy
Master's student 2nd year
Karaganda university named after
academician E. A. Buketova
The Republic of Kazakhstan,
Karaganda
e-mail: koschanowa@mail.ru

К. Сансызбайкызы
**О ФОРМИРОВАНИИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
УЧАЩИХСЯ**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопроса формирования лексической компетенции учащихся. Автор отмечает, что лексическая наполняемость речи имеет немаловажное значение при формировании коммуникативной компетенции, что важно для формирования полноценной личности в целом.

Подвергаемые анализу лексические упражнения позволяют создать оптимальные условия для обучения и воспитания учащихся. Автором на примере упражнений для 5 класса выявлено, что учебник отличается конкретной работой над словом, побуждает учащихся самостоятельно определять и объяснить значение слова, находить в тексте нужные слова, составлять словосочетания, обращать внимание на словообразование слов, подбирать синонимы, омонимы к словам и многое другое.

Автор подчеркивает, что анализируемый учебный материал мотивирует учащихся на активную деятельность, помогает развивать умения и навыки чтения, письма, обработке новой информации.

Ключевые слова: обучение русскому языку, лексическая компетенция, учебные упражнения, формирование умений и навыков, коммуникативные упражнения.

К. Sansyzbaykyzy
**ON THE FORMATION OF LEXICAL COMPETENCE OF
STUDENTS**

Abstract. The article is devoted to the consideration of the formation of lexical competence of students. The author notes that the lexical content of speech is of no small importance in the formation of communicative competence, which is important for the formation of a full-fledged personality as a whole.

The lexical exercises analyzed make it possible to create optimal conditions for teaching and educating students. The author, using the example of exercises for the 5th grade, revealed that the textbook differs in specific work on the word, encourages students to independently determine and explain the meaning of the word, find the right

words in the text, compose phrases, pay attention to the word formation of words, select synonyms, homonyms for words and much more.

The author emphasizes that the analyzed educational material motivates students to be active, helps to develop the skills of reading, writing, and processing new information.

Keywords: teaching the Russian language, lexical competence, educational programs

Основным требованием в системе образования на настоящий момент является качество образования, ориентированное на применение. Согласно постановлению правительства, «результаты международных сопоставительных исследований свидетельствуют о том, что в школе сохраняется большой разрыв в качестве образования. Так, Казахстан четырежды принимал участие в международной программе ОЭСР по оценке 15-летних обучающихся PISA (2009, 2012, 2015, 2018) и в международном исследовании IEA оценки качества школьного образования TIMSS по читательской, естественнонаучной и математической грамотности (2007, 2011, 2015, 2019). Итоги исследования выявили существенный разрыв в успеваемости по регионам, территориям (город-село), языку обучения и социально-экономическому статусу семьи. Так, в разрезе регионов разница между самым низким и высоким показателями PISA соответствует 3 годам обучения. Сложившаяся ситуация требует решения [1, с. 11].

Учитывая тот факт, что новая программа ориентирована на развитие способностей учащихся применять знания и умения в реальной практике, необходимо обратить особое внимание на вопросы формирования компетенций, в том числе на лексические компетенции. Рост конкурентоспособности образования и науки требует от современного молодого человека очень многого, а именно умение правильно, четко, развернуто выражать собственное мнение по любому вопросу. Безусловно, лексическая наполняемость речи в этом контексте имеет немаловажное значение

В настоящей работе поднимается вопрос формирования лексической компетенции учащихся средних классов при обучении языкам, в том числе в школах с русским языком обучения. Считаем, что независимо от языка: русского, казахского, английского – лексические упражнения как необходимый дидактический материал

позволяют создать оптимальные условия для обучения и воспитания учащихся.

Лексическая компетенция в образовательном процессе не является новым, неизученным вопросом. Однако конкретных вопросов для решения в связи с актуальными вопросами образования немало. Лексическая компетенция, являясь языковой основой коммуникативной компетенции, составляет вместе с ней динамическое единство, поскольку лексическая компетенция формируется в процессе коммуникативной деятельности обучающихся, а коммуникативная компетенция совершенствуется по мере становления лексической компетенции, т.е. их формирование взаимозависимо [2, с. 127]. Обзор научной, научно-методической, учебно-методической литературы позволяет утверждать, что теоретическую основу исследования составляют труды следующих ученых: зарубежных: С.А. Трофименко, И.Е. Зуева, И.А. Зимней, А.Н. Шамов, А.К. Хуторского, Е.И. Пассова, В.С. Бронской, Н.В. Баграмовой, К.В. Александрова., В.В. Гоголевой В.В., А.Н. Шамова, Н.Е. Ламтевой, Е.В. Ятаевой; казахстанских: Бакшиевой Б.С. З.К. Сабитовой, Л.К. Жаналиной, Г. Косымовой, Т.А. Кульгильдиновой и другие.

В круг вопросов по исследуемой проблеме входят следующие аспекты: виды компетенций, виды коммуникативных компетенций в образовательном процессе, типы коммуникативных упражнений, польза коммуникативных упражнений в учебной деятельности, изучение языковых единиц на основе коммуникативных упражнений, развитие связной речи, формирование развивающей среды, повышение уровня речевой компетентности, система формирования учебных действий на основе коммуникативных упражнений, формирование коммуникативных умений, развитие всех видов речевой деятельности, обучение правописанию и пунктуации, решение воспитательных задач, развитие творчески активной личности, совершенствование коммуникативных навыков.

Для практического рассмотрения вопроса нами проведен анализ учебного материала школьных учебников русского языка для 5, 6 и 7 классов. Упражнения лексического характера, отобранные методом

сплошной выборки, проанализированы в плане количества, содержания, формирования навыков и умений.

В статье для иллюстрации учебного материала подробно остановимся на упражнениях учебника 5 класса. В целом материал учебника отличается представленностью разных видов речевой деятельности: чтения, письма, аудирования, говорения. Упражнения учебника активизируют разнообразные учебные действия школьников по преобразованию, моделированию, конкретизации учебного материала. Характер, объем, содержание упражнений по формированию лексической компетенции соответствуют умственному развитию и возрасту учащихся. Так, в таблице 1 нами представлено количество упражнений с условным обозначением «Работа со словом» по учебнику «Русский язык» 5 класс [3].

Таблица 1

Упражнения с условным обозначением «Работа со словом», русский язык 5 класс

№	Упражнения с условным обозначением	Класс, учебник, часть	Количество выявленных упражнений	№ упражнений
1	«Работа со словом»	5 класс 1 часть	19	1В, 33Б, 35Б, 49В, 64Г, 126Б, 154В, 209В, 213Б, 213Д, 221А, 225В, 232В, 245А, 246, 248 Б, 266Б, 292Е, 305В.
2	«Работа со словом»	5 класс 2 часть	23	310Г, 338В, 350В, 359А, 373В, 374В, 387В, 389В, 394Б, 410Г, 430Б, 451В, 453В, 454В, 461Г, 464В, 478В, 511В, 518В, 535Б, 543Б, 547Б, 553Б
Всего:		5 класс	42	

Всего таких упражнений в учебнике выявлено 42, они отличаются конкретной работой над словом, побуждают учащихся определить и объяснить значение, толкование слова, найти в тексте нужные слова, составить словосочетания, обратить внимание на словообразование слов, подобрать синонимы, омонимы к словам, определить прямое или переносное значение слов, однокоренные слова, объяснить фразеологизмы и т.п.

Приведем примеры описанных упражнений:

1В. Найди в тексте слова, которые соответствуют толкованиям а) – з):

А) система выражения мыслей словами (абзац 1);

Б) песня, которая исполняется при убаюкивании ребёнка (абзац 2);

В) остроумное, шутливое, обычно рифмованное выражение (абзац 2);

Г) приспособление для выполнения какой-либо работы (абзац 5).

33Б. Каким выделенным словам и словосочетаниям соответствуют толкования значений а) – в):

А) от родителей к детям, от старших к младшим - _____;

Б) живые существа, обладающие речью и мышлением - _____;

В) время от рождения до старости человека - _____?

35Б. Каким выделенным словам соответствуют толкования значений а) – г):

А) место хранения ценностей - _____;

Б) то, что делает возможным существование чего-либо - _____;

В) приспособление для выполнения какой-либо работы - _____;

Г) главная часть какого-либо предмета - _____

При этом важно понять и осознать, что современному миру в настоящее время нужны люди, отличающиеся такими качествами, как высокий уровень коммуникативной компетентности, самостоятельность, независимость суждений, уважение к мнению других людей. При этом благополучная коммуникативная деятельность содействует формированию коммуникативной личности, которая

– стремится к максимальному исполнению своих потенциалов;

- раскрыта для восприятия нового опыта;
- способна на осмысленный и ответственный выбор в разнообразных жизненных ситуациях;
- обладает нормами литературного языка, способна без труда проявлять свои мысли и чувства в устной и письменной форме, соблюдать этические нормы общения;
- умеет решать языковыми средствами коммуникативные задачи в различных сферах и условиях общения [4, с. 8].

Вследствие этого задача формирования коммуникативной компетенции является в данное время одной из основных задач школы и, прежде всего, уроков языка, в том числе русского языка. Безусловно, вопрос формирования коммуникативной компетенции напрямую связан с вопросом формирования лексической компетенции учащихся.

В учебной деятельности по формированию лексической компетенции могут быть выделены по крайней мере два уровня: 1) учебная деятельность при участии учителя; 2) самостоятельная работа школьников. В учебной деятельности вначале доминируют внешние (социальные и познавательные) мотивы, так как учебная деятельность является обязательной; внутренние мотивы находятся в стадии становления. Конечно, предметом учебной деятельности является материал школьной программы.

Проведенный анализ учебного материала позволяет обобщить результаты исследования по формированию лексической компетенции учащихся на основе упражнений с условным обозначением «Работа со словом» и подчеркнуть, что они направлены на развитие правильной, грамотной речи учащихся, что служит содержательной и мотивационной базой для высказываний, собственных и по тексту, а также способствует развитию навыков общения в любой реальной ситуации. Учебный материал мотивирует учащихся на активную деятельность, помогает развивать умения и навыки по написанию, обработке новой информации и сопоставлению разных мнений на определенное явление. Также упражнения лексического характера рождают в учащихся речетворческие способности, которые представляют собой

способность к восприятию, образному мышлению, критическому осмыслению той или иной языковой единицы.

Таким образом, основными способами учебной деятельности являются активные действия школьников по преобразованию учебного материала, его моделированию, выделению в нем общих принципов и понятий, их конкретизации и т.д. В учебной деятельности по формированию лексической компетенции учитель определяет источники усвоения знаний, характер и объем учебного материала. Учитель осуществляет общий контроль за результатами учебной деятельности, постепенно формируя необходимые навыки и умения самих школьников. Конечно, в любом случае важна и центральна личность ученика, деятельность которого следует активировать в плане пополнения лексического кругозора.

Библиографический список:

1. Об утверждении Государственной программы развития образования и науки Республики Казахстан на 2020-2025 годы. Постановление Правительства Республики Казахстан от 27 декабря 2019 года №988. – Астана, 2019. – 123 с.
2. Салханова Ж.Х. Компетентность и компетенции. – Алматы: Қазак университеті, 2013. – 177 с.
3. Сабитова З.К., Скляренко К.С. Русский язык. Учебник для 5 кл. общеобразовательной школы в 2-х частях. – Алматы: Мектеп, 2018.
4. Мурзалинова А.Ж. Формирование функциональной грамотности учащихся при обучении русскому языку как неродному на старшей ступени школы общественно-гуманитарного направления: автореф., докт. пед. наук. – Алматы, 2003. – 59 с.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Филипов Павел Стоилков
доктор, асистент
Юго-Западный университет им.
Неофита Рильского
Болгария, г. Благоевград
email: p_filip@abv.bg

Filipov Pavel Stiolkov
Phd, assistant
South-West university Neofit Rilski
Bulgeria, Blagoevgrad
email: p_filip@abv.bg

П.С. Филипов

Эстет Петроний в романе Сенкевича „Quo vadis, Domine?“

Аннотация: Генрик Сенкевич представляет нам Петрония как часть Римского мира, в котором превыше всего стремление к сладкой жизни. Римский патриций Петроний – это *arbiter elegantiarum* и в этом качестве выступает главным советником императора Нерона по искусству. *Pax Romana* находится под угрозой разрушения со стороны наращивающего свою силу нового учения – христианства, привлекающего все больше последователей. Петроний остается верен своему миру любимому миру.

Ключевые слова: Петроний, эстет, арбитр изящества, христианство

P.S. Stiolkov

The esthete Petronius in Sienkiewicz's novel "Quo vadis, Domine?"

Abstract. Henryk Sienkiewicz presents Petronius to us as part of the Roman world, in which the desire for a sweet life is above all. The Roman patrician Petronius is an *arbiter elegantiarum* and in this capacity acts as the chief adviser to the Emperor Nero on art. *Pax Romana* is under threat of destruction by a new teaching that is increasing its strength – Christianity, attracting more and more followers. Petronius remains faithful to his beloved world.

Keywords: Petronius, esthete, *arbiter elegantiarum*, Christianity

Еще с первых страниц романа «Quo vadis, Domine? Генрик Сенкевич знакомит нас с Петронием. Описывает его образ жизни, навыки, вкусы, чувства «Петроний чувствовал к нему некоторую слабость, похожую на любовь», – Марк был красивый, атлетически сложенный юноша, и в то же время он умел сохранять известную эстетическую меру в проявлениях римской испорченности, а это

Петроний ценил выше всего» (Сенкевич 1998:16). Петроний любит роскошь, красота привлекает его, к нему обращаются *arbiter elegantiarum* (*арбитр изящности*); он слушает раторов, участвует в дискуссиях (например, имеется ли у женщины душа), что указывает на его интерес к разным темам и аналитический ум. Физическое описание находим через несколько страниц «И в этом возгласе слышалась неподдельная искренность, потому что Петроний хотя был старше и менее мускулист, но казался красивее Виниция. Женщины в Риме удивлялись не только его гибкому уму и вкусу, что давало Петронию право называться «*arbiter elegantiarum*», но также и телу его» (Сенкевич 1998:23). Обладателю титула *арбитр изящности* следует быть красивым и привлекательным для того, чтобы окружающие воспринимали его всерьез. Если говоришь о красоте и эстетике нужно самому быть красивым, особенно в мире аристократов Древнего Рима, в котором мишура, внешний вид приобретают важное значение. Автор говорит, что у Петрония изнеженный характер, он любит наслаждения. Какое-то время до этого он был правителем римской провинции Гераклея, для чего требовалась весьма решительная натура. Ныне же он человек, наслаждающийся жизнью и удовольствиями.

Петроний любит красоту и ищет ее повсюду, не любит войну не потому что она сеет смерть и разруху, а потому что в палатках ногти теряют гладкость и розовый цвет. В Риме, как он считает, все поверхностно и никто не отличает нравственное от безнравственного. Про себя он того же мнения, но ему под силу различать красивое от безобразного и это для него особенно важно. Он ищет эстетику здесь и сейчас, желает насладиться ею сразу же – жизнь течет и следует черпать полными ладонями. Сам он подвержен суете, но не поверхностен; возмущается нежеланием Отона следить за собой – тому требуются каких-то три часа, чтобы сделать прическу; недоволен тем, что Рим наполнился поэтами и даже Нерон пишет стихи. Его дом, как и дом Виниция, полон красивых рабынь, но он называет их «телами»; Петроний дарит Виницию Эвнику, считая ее частью дома, а не человеком – он считает, что у женщины 3-4 души, но ни одна из них не наделена разумом.

Рядовым римлянам Петроний нравится – он, к примеру,

заступился за целую семью рабов, приговоренных цезарем к смерти. Но люди не знают, что данный поступок был продиктован нелюбовью *arbiter elegantiarum* к резне, которая подходит скифам, но недостойна римлян. Он презирает толпу как эстет и как аристократ. Он не припомнит услуги кому-либо, хотя им от гнева Нерона был спасен Веспасиан – тот заснул в момент, когда император читал свои стихи.

Отношение персонажа к женщинам меняется с развитием повествования. В его начале становится ясным, что Петроний спорит есть ли у женщины душа; затем он говорит, что у нее 3-4 души, но ни одна из них не является разумной. Пребывание в доме Авла Плавтия меняет взгляды Петрония на роль женщины в семье и обществе. Помпония Грецина, супруга Авла, приводит его в замешательство: она аристократка, но не посещает светских событий, исполнена достоинства, любит уют дома и чужда порокам. Она сторонится римского мира и поэтому Петроний уважает Помпонию. Ее дом спокоен, Петроний поражен домашней гармонией – он находит красоту семейного уюта в иной, совершенно неизвестной ему форме. Ищет красоту ради самой красоты, ищет ее во всех ее проявлениях и осознает, что не постиг ее полностью. Она оказывается непредвидимой и появляется в этом месте неожиданно и в совершенно необычной форме – в семейной гармонии.

Представление о личности Петрония получаем в начале романа – это происходит плавно и постепенно. Любое, даже несущественное событие в произведении способствует описанию привычек или особенностей характера римского патриция. Из этого следуют несколько моментов, которые важны для Петрония. Это борьба с Нероном и за Нерона, встречи с христианами, общение с апостолами Петром и Павлом. И нечто ему не присущее – он желает спасти Виниция, защитить его любовь к Лигии, несмотря на то, что она христианка и он не понимает ее мира. Этому новому христианскому учению, во имя своей любви, следует Виниций. Петроний его не упрекает и не осуждает, спорит и не понимает его, но помогает Виницию выжить в чудовищном и безжалостном мире римской аристократии, жертвой которого он сам станет.

Столкновение Петрония с Нероном видим глазами арбитра

изящности. В этом художественном приеме заключен глубокий смысл. Петроний не осуждает цезаря, не упрекает его, а манипулирует им. Сарказм и ирония – его постоянные союзники в оценках художественных потугов мнимого артиста. Безнравственность римского владельца достигла тех размеров, которые не нуждаются в оценке и комментарии моралиста. *Агенобарбу* потребны похвалы и ласкательство *arbiter elegantiarum*, более того – он боится этих оценок, нуждается в постоянном одобрении эстета, не доверяет никому другому, продлевая таким образом жизнь Петронию и Палатину. Сам арбитр изящества не моралист. Он знает, что Нерон – не олицетворение наивности, у Петрония нет никаких шансов восхвалять в окружении императора моральные устои общества. Римский император морально себя дискредитирует, именно в качестве правителя, порождающего зло. Автор понимает эту ситуацию и поэтому противопоставляет владельцу не моралиста, а эстета.

Встреча Петрония с христианами, диспуты, которые он ведет с ними представляют собой столкновение разного образа жизни, двух противоположных концепций о том, как следует жить и умереть. Христиане проповедуют любовь, справедливость, милосердие, Петроний же говорит «Не хочу ни о чем знать, что могло бы испортить мне жизнь и уничтожить ее красоту. Неважно, истинны ли наши боги, но они прекрасны, нам весело с ними, мы можем жить без забот» (Сенкевич 2010: 237). Артистической душе эстета моральные учения христиан скучны и он открыто заявляет им, что это не для него, так как его философия наполнения жизни смыслом совсем другая. Христиане говорят, что после смерти душа возносится в лучший мир, а по Петронию «...жизнь существует ради себя самой, а не ради смерти» (Сенкевич 2010: 244). Он не принимает новую религию, но не отвергает и не отрицает ее. Для него христианство – скучно, оно ведет к однообразию и не предлагает никаких светских удовольствий. Напротив, даже избегает их, а Петроний – это человек удовольствий и поэтому новая религия не может на него воздействовать.

Виниций принимает христианскую веру не только потому что он влюблен в Лигию и готов ради нее на все, но и по причине того,

что новое учение меняет его взгляды на жизнь. В этот момент Петроний осознает, что его влияние на молодого патриция исчезает, но его отношение к человеку Виницию не меняется, потому что молодой римский трибун влюблен по-настоящему. Арбитр изящности уважает любовь, он ищет совершенную форму и находит ее в своей рабыне Эвнике. Это заставляет его признать, что красивая женщина бесценна, особенно если она тебя любит. Виниций говорит, что любовь изменила вкусы Петрония, а ему изменила душу.

В этом романе Петроний действует посредством своего слова, наставнического, оберегающего и напутствующего по отношению к Виницию, манипулятивного по отношению к Нерону и подозрительного к христианству. Слово Петрония теряет силу и влияние на Виниция, но тот влюблен и никакое слово не может победить любовь. Эстет понимает, что в какой-то момент его влияние на императора исчезнет и это будет концом для него, но не переживает, напротив, наслаждается моментом и отпущенным ему временем, умело «наставляя» *Рыжебородого*.

Петроний принимает свою судьбу по-философски спокойно. Как представитель высших кругов Рима, ему известны правила игры; он сознает, что его последний час близок. Об этом он пишет Виницию, а Эвнике говорит, что хочет умереть спокойно. Он уходит так как жил – организует пышное торжество после которого лишает себя жизни. Римляне знают как жить и как умереть – таковы его слова. Его смерть осознана, спокойна и даже красива. Он отнимает свою жизнь сам, будто боясь, что если его убьют, красоты в его смерти не будет. Уходит из жизни так же, как и жил – элегантно. Умирает в роскоши, во время грандиозного торжества, на котором он веселится, в его последние минуты звучит музыка. Вместе с ним из жизни уходит и Эвника, которая любит его так сильно, что предпочитает умереть с ним чем жить без него. Кажется, что с Петронием уходит и красота, его последние неоконченные слова наверное подтверждают это.

Библиографический список

1. Асенов П. Великите европейци – Хенрик Сенкевич. URL: <<https://www.bnr.bg/>>.
2. Балабанов А. Хенрик Сенкевич. URL:<<https://www.literaturesviat.com/>>.

3. Георгиев Е. Очерци по история на славянските литератури. – С.: Наука и изкуство, 1971. – 505 с.
4. Даскалов Н. Оспорвани шедеври. – С.: УИ Св. Климент охридски, 1994. – 201 с.
5. Сенкевич Г. Камо грядеши. пер. В. Ахримовича. – М.: Альфа-книга, 2010. – с. 446.

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА

Недялкова Виктория Христова
магистр
Софийский университет им. Св. Климента
Охридского
Болгария, г. София
e-mail: viktoria_nedyalkova@abv.bg

Nedyalkova Viktoria Hristova
MA in Philology
St. Kliment Ohridski Sofia University
Bulgaria, Sofia
e-mail: viktoria_nedyalkova@abv.bg

Баранова Анна Сергеевна
доктор филологии, главный ассистент
Софийский университет им. Св. Климента
Охридского
Болгария, г. София
e-mail: baranova@slav.uni-sofia.bg

Baranova Anna Sergeevna
PhD, Assistant Professor
St. Kliment Ohridski Sofia University
Bulgaria, Sofia
e-mail: baranova@slav.uni-sofia.bg

В. Х. Недялкова, А. С. Баранова
**К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ЛЕКСИКО-
СЕМАНТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ**

Аннотация. В статье рассматриваются основные лингвистические и экстралингвистические факторы, обуславливающие применение лексико-семантических трансформаций при переводе с русского на болгарский язык. Анализ осуществлен на материале художественно-публицистического рассказа альпиниста, журналиста и писателя Дениса Урубко «Элегантность эффективности» и его перевода¹. Жанр художественной публицистики совмещает характеристики разных стилей, что объясняет разнообразие зафиксированных в тексте переводческих трансформаций и причин их применения.

Ключевые слова: перевод, лексико-семантические трансформации, лингвистические и экстралингвистические факторы.

V. H. Nedyalkova, A.S. Baranova
**TOWARDS THE USE OF LEXICAL-SEMANTIC
TRANSFORMATONS IN TRANSLATION OF NARRATIVE
NONFICTION**

¹ Перевод Виктории Недялковой.

Abstract. The study deals with to the main linguistic and extralinguistic factors that influence the use of lexical-semantic transformations in translation from Russian into Bulgarian. The analysis is based on examples from a nonfiction story of the alpinist, writer and publicist Denis Urubko and the text of its translation. This genre combines features of different functional styles which explains the variety of transformations and the diversity of reasons of their application.

Keywords: translation, lexical-semantic transformations, linguistic and extralinguistic factors.

При сопоставлении русского и болгарского языков следует учитывать, с одной стороны, их родственность, которая способствует наличию в них множества соизмеримых в формально-смысловом и функциональном плане языковых средств, а с другой – существование ряда расхождений, обусловленных своеобразным развитием этих языков и специфическим мировосприятием их носителей. Различия можно найти на всех уровнях языковой системы: фонетическом, морфемном, лексико-семантическом, синтаксическом, а также в стилистической окраске и образной составляющей языковых единиц. Поэтому переводчики часто прибегают к разного рода преобразованиям для того, чтобы текст перевода (ПТ) в максимальной степени приблизился к исходному тексту (ИТ) в смысловом, прагматическом и стилистическом отношении. Характеристики художественной публицистики определяют особую роль лексико-семантических трансформаций при переводе.

Необходимость добиться высокой степени эквивалентности между оригинальным речевым произведением и его переводом требует четкого понимания основных факторов, которые регулируют применение переводческих трансформаций. В настоящей статье мы попытаемся выявить влияние этих факторов на процесс перевода на материале художественно-публицистического рассказа Дениса Урубко «Элегантность эффективности».

Рассматривая особенности художественной публицистики, следует обратить внимание на то, что она совмещает характеристики весьма сложных в функциональном отношении стилей – художественного и публицистического, что определяет широкий спектр используемых языковых и речевых средств. В художественном тексте используются как литературные, так и

разговорные и даже ненормативные единицы, например, жаргонизмы, диалектные единицы и пр., а отбор языковых единиц в художественной речи обуславливается их прагматической и эстетической функцией, так как ей свойственна эмоциональность и экспрессивность [3, с. 392-412]. М. Н. Кожина определяет публицистический стиль как весьма сложное явление в силу его неоднородности [3, с. 342]. Его цель – рациональное и эмоциональное воздействие на реципиента, поэтому для него характерны информативность, логичность, эмоционально-экспрессивная составляющая, побудительность. В зависимости от тематики, структуры, коммуникативной цели и использованных языковых средств тексты публицистического стиля подразделяют на три подстиля или жанровых типа: информационный, аналитический и художественно-публицистический, причем в последнем сильно заметна роль экспрессии [6, с. 235].

Учитывая промежуточное положение художественной публицистики в классификации функциональных стилей, можно сделать вывод о том, что тексты, относящиеся к нему, имеют разнородный характер – некоторые соотносимы больше с художественными произведениями, а в других преобладает публицистическое начало. Анализируемый рассказ можно определить, скорее всего, как художественное произведение, однако при переводе следует учитывать, что в нем описаны существующие в реальной жизни люди и действительно произошедшие события. В тексте наблюдается смешение литературного стиля с разговорным, использованы термины, связанные с альпинизмом, со спасработами в горах. Для изложения характерно использование цитат и фразеологических единиц, которые необходимо выявить и передать средствами ПЯ так, чтобы сохранить образность оригинала и интертекстуальность. В связи с тематикой текста в нем встречается большое количество собственных имен, топонимов и единиц из альпинистского жаргона. В тексте рельефно выступает образ автора-рассказчика, сюжет представлен с его точки зрения, повествование сопровождается его комментарием и оценкой происходящего, поэтому при переводе важно сохранить авторский стиль. Для рассказа характерно особое развертывание мысли, напоминающее

свободный поток сознания. В языковом плане это выражается в парцелляции и неполноте предложений.

Факторы, обуславливающие применение лексико-семантических переводческих трансформаций, можно разделить на лингвистические и экстралингвистические (прагматические). К первым относятся соотношение языковых систем исходного языка (ИЯ) и языка перевода (ПЯ), узуальные расхождения между ними и стилистические факторы. Вторые связаны с социокультурными различиями читателей ИТ и ПТ или со спецификой отраженной в тексте денотативной ситуации. Часто решение переводчика определяется комплексными причинами, сочетающими вышеуказанные факторы.

Исследуя перевод, важно иметь в виду особенности языковых систем и проследить, каким образом переводчик преодолел трудности, которые вытекают из этих особенностей. При сопоставлении лексических систем РЯ и БЯ наблюдается неполное совпадение семантической структуры достаточно большого количества лексических единиц, обозначающих одни и те же фрагменты внеязыковой действительности. Например, некоторые лексемы имеют довольно общее значение в одном из языков, а в другом охваченные ими семантические компоненты распределены между несколькими единицами. На гипо-гиперонимических отношениях лексем ИЯ и ПЯ основывается применение приемов языковой или контекстуальной конкретизации и генерализации. Например:

(1) р. *В эту ночь снилось темное грозовое небо над равниной, полной спелых колосьев **хлеба** – до горизонта.* / б. *Онази ноц сънувах тъмно, буреносно небе над поле с узрели **житни класове** – чак до хоризонта.*

В данном примере наблюдается языковая конкретизация. В русском языке у лексемы р. *хлеб* несколько лексико-семантических вариантов, которым в БЯ соответствуют более конкретные единицы. Формально и этимологически соотносимая с единицей оригинала лексема б. *хляб* совпадает с ней в значениях 'пищевой продукт, выпекаемый из муки' и 'пища, пропитание', однако не содержит значения 'злаки, посевы пшеницы', т.е. имеет более узкий

семантический объем. Налицо системные расхождения между языками, поэтому трансформация в данном случае обязательна.

В следующем примере установлена контекстуально обусловленная конкретизация:

(2) р. *Только луч **фонарика** выдавал его настроение.* / б. *Само лъчът на **челника** издаваше начина му на движение.*

Болгарская лексическая единица б. *челник* имеет более узкое значение, чем б. *фенерче*, так как содержит дополнительную сему 'который устанавливается на голове, на лбу, чтобы руки были свободными'. В РЯ существует расчлененная номинация р. *налобный фонарь*, однако в силу стремления к экономии речевых средств она употребляется редко (в основном в специализированных текстах или когда ситуация обязывает указать на конкретный вид фонарика) за счет общеупотребительного гипонима, т.е. она подвержена вторичной генерализации. Решение переводчика в данном случае контекстуально обусловлено. В БЯ лексема б. *челник* более четко разграничивается от родового понятия б. *фенерче*, а денотативная ситуация указывает на то, что речь идет именно о налобном фонарике, и конкретизация в этом случае является обязательной.

Генерализация часто применяется вследствие несовпадения в обозначении фрагментов внеязыковой действительности в ИЯ и ПЯ, например, когда в ПЯ отсутствует точное соответствие исходной лексемы:

(3) р. *Когда на Нанга-Парбат в следующий раз **поедем**?* / б. *Кога **ще отидем** пак на Нанга Парбат?*

Выбор глагола б. *да отида* обусловлен системными различиями между ИЯ и ПЯ. В русском языке существуют глаголы движения с конкретной семантикой – в них содержится указание на способ передвижения: р. *идти, ехать, лететь* и т.д. При присоединении приставок эти дифференциальные семы сохраняются. В семантику глагола б. *да отида* входят значения р. *пойти, поехать, полететь* и пр. Это значит, что значение р. *поехать* ('отправиться в путь на чем-н.' [8]) полностью передается глаголом б. *да отида* ('двигаться в определенном направлении или с определенной целью' [10]).

Выбор переводного соответствия может основываться на пересечении семантического содержания лексических единиц ИЯ и

ПЯ, что обычно выражается в применении приема дифференциации. В следующем примере отмечается несовпадение переносных значений денотативных эквивалентов ИЯ и ПЯ, а релевантное для исходного лексико-семантического варианта значение обнаруживается в семантической структуре контекстуального синонима:

(4) р. *После первого всплеска активности Элизабет угасла.* / б. *След първия прилив на енергия Елизабет притихна.*

Значение глагола р. *угаснуть* – '1. перестать светить, 2. утратить блеск, 3. умереть' [8]. Метафорическое употребление этой лексической единицы в ИТ основывается на семантическом компоненте 'перестать подавать признаки жизни, деятельности' и характеризуется значением 'стать пассивным, утратить активность, мотивацию к действию'. Поэтому использование денотативного эквивалента в переводе может привести к искажению информативно-прагматического плана высказывания. Значимые для данного употребления семы содержатся в семантической структуре глагола б. *да притихна*. Таким образом в переводе сохранена информативность и достигнута адекватность исходному тексту.

Наличие в ПЯ лексической единицы, которая охватывает все релевантные в данном контексте семантические компоненты исходного словосочетания, тоже может быть причиной использования трансформации, например:

(5) р. *Многие из них были выцветшими и лохматыми от потертостей.* / б. *Много от тях бяха избелели и прокъсани.*

В силу емкости своей семантики глагол б. *прокъсани* является более подходящим вариантом, чем близкое в формальном отношении описательное соответствие б. *рошави от протриване*. Опорная лексема в ИТ – прилагательное р. *лохматые*, которое указывает на состояние предмета. Причина этого состояния выражена поясняющим компонентом словосочетания – р. *от потертостей*. В ПТ лексическое и частеречное значение страдательного причастия б. *прокъсан* объединяют эти два значения, однако акцент все-таки на следствии (состоянии). В этом случае важно учесть также более широкий контекст, в котором тоже делается упор на состоянии предмета: несколько раз в тексте автор подчеркивает, что старые

веревки не надежны и могут порваться. Следовательно, решение переводчика применить прием смыслового развития можно объяснить и тем, что использованная лексема не только информативно, но и прагматически обоснована.

В РЯ эксплицитно выраженное отрицание употребляется чаще, чем в БЯ. Поэтому при переводе на БЯ приходится применять и антонимический перевод. На разных лексико-семантических вариантах формально соотносимых прилагательных в РЯ и БЯ основывается особый случай использования этого приема в следующем примере:

(6) р. *Ветрюган был неприличный.* / б. *Ураганът бе доста приличен.*

Исходная единица образована от лексемы р. *приличный*, которая выступает в значении 'достаточно хороший, удовлетворительный'. Присоединение отрицательной приставки *не-* к прилагательному модифицирует это значение в 'нехороший, неудовлетворительный', а сочетание с оценочным окказионализмом р. *ветрюган* указывает на причину такой оценки – чрезмерную интенсивность ветра. В ПТ соответствие б. *приличен* означает 'достаточно большой по количеству, по силе'. В нем акцент не на качестве, а на интенсивности признака. Лексема б. *доста* усиливает это значение. Таким образом полностью передан смысловой и прагматический план исходного высказывания, хотя утрачена разговорная составляющая, что понижает экспрессивность ПТ.

Следующий пример применения антонимического перевода обусловлен тем, что в БЯ нет формального эквивалента русских инфинитивных предложений с отрицанием, которые специализированы на выражении модального значения отсутствия необходимости.

(7) р. *Пусть уж сидит в Первом лагере, ему не привыкать!* / б. *Нека си стои в Лагер 1, така или иначе е свикнал!*

Отрицательная конструкция р. *не привыкать* заменена утвердительной б. *свикнал е*. В формировании целостного смысла высказывания участвует семантика разных структурных типов предложений: в ИТ односоставное инфинитивное предложение с отрицанием характеризует действие как ирреальное – ненужное в

силу того, что ожидаемый результат уже налично (акцент на результате). В ПТ форма прошедшего времени в неполном двусоставном предложении представляет действие как реально совершенное и вызвавшее данное состояние субъекта (акцент на действии). Общеупотребительной конструкцией для передачи значения исходного высказывания в болгарском языке является именно выбранный вариант, хотя возможно употребить и б. *няма нужда да свиква*.

Узус является одним из важнейших факторов, вызывающих необходимость применения лексико-семантических трансформаций. Под узусом понимаем такое употребление языковых единиц, которое является общепринятым для носителей определенного языка. Он связан с ситуативным использованием языка. Так как узуальные употребления специфичны для разных языков и непосредственно связаны с успехом общения, при переводе очень часто приходится трансформировать исходные речевые конструкции. По мнению В. Н. Комиссарова, узус препятствует реализации эквивалентности на всех ее уровнях, т.е. полной эквивалентности. Адекватным он называет перевод, который, удовлетворяя остальным требованиям, не допускает нарушения узуса [4, с. 81; с. 231-233].

(8) р. *Да, башка приходила в порядок.* / б. *Да, умът си идваше на мястото.*

Существительное р. *башка* на болгарский язык можно перевести и как б. *глава*, хотя это не совсем точное стилистическое соответствие. Контекстуальная конкретизация в этом случае мотивирована узусом – болгарская лексема *ум* предпочтительна в схожих ситуациях. В языковом сознании болгар б. *ум* связывается чаще с образным представлением мыслительных процессов, чем б. *глава*. Разумеется, нужно отметить разную стилистическую характеристику лексических единиц – р. *башка* характерно для разговорного стиля, а б. *ум* – нейтральное слово. Следовательно, трансформация приводит к потере экспрессивности в ПТ, однако способствует передаче информативной и прагматической составляющей контекста.

Сочетаемость слов также имеет существенное значение при выборе определенного переводного соответствия. В следующих

примерах узуальным сочетанием лексем в болгарском языке обусловлено применение генерализации и смыслового развития (модуляции).

(9) р. *Майор Анджун озадачено почесал затылок.* / б. *Майор Анджун замислено се почеса по главата.*

В данном контексте возможен и перевод без генерализации: р. *затылок* – б. *тил*, но здесь акцент на том, что герой рассказа задумался, принимая решение. В сознании носителя БЯ это действие сопровождается почесыванием головы, а не конкретно затылка, что нашло отражение в разной лексической сочетаемости денотативного соответствия исходного глагола.

(10) р. *Сила дарит скорость и возможность довольствоваться минимумом.* / б. *Силата ни дава скорост и възможност да се задоволяваме с минималното.*

В этом случае применение генерализации тоже можно объяснить узуально обусловленным сочетанием лексем в болгарском языке. Словарные соответствия глагола р. *дарить* – б. *дарявам, подарявам, давам подарък*. Однако в БЯ принято в сочетании с существительным б. *сила* употреблять глагол б. *давам*, независимо от субъектной или объектной концептуализации (срв. б. *Вярата ни дава сила / Силата ни дава увереност* при несвойственном употреблении * б. *Вярата ни дарява (подарява) сила. / Силата ни дарява (подарява) увереност*). Таким образом адекватность ИТ и ПТ сохраняется.

(11) р. *И привязавшись к нашей веревке, двинулся куда-то во тьму.* / б. *И като се върза за нашето въже, потъна в тъмнината.*

В приведенном примере отмечают причинно-следственные отношения между исходным сочетанием – р. *двинулся куда-то* (т.е. 'потерялся из виду') и переводным соответствием б. *потъна* с учетом ситуации, в которой развивается действие. Переводчик применил модуляцию, опираясь на контекст. Кроме того, сочетание б. *потъвам в тъмнината* – узуально обусловлено в БЯ. В силу этого ПТ сохраняет информативность, а также прагматические и стилистические характеристики оригинала.

(12) р. *Элизабет выглядела лучше, чем на склоне Нанги. Розовенькая, спокойная. Гораздо женственней.* / б. *Сега Елизабет изглеждаше по-добре, отколкото на склона на Нанга-Парбат.*

Свежа, спокойна. Много по-женствена.

В этом примере наблюдается замена следствия причиной. Трансформация необходима, так как в каждом языке существуют узуально обусловленные общепринятые определения при описании внешности человека. Носители болгарского языка редко употребляют эквивалентные лексемы *розовичка, розова*, обозначающие следствие отличного физического состояния человека, они обычно указывают на саму причину – свежий, здоровый вид лица. Использование описательного перевода, напр. б. *с розови/румени бузи или с розови/румени страни* – менее удачный вариант, так как исходное определение входит в ряд однородных, что предполагает их формальную и функциональную однотипность. Применение трансформации не приводит к смысловым потерям при переводе, ПТ передает и цель высказывания, и ситуацию, и способ ее описания. Альтернативный вариант перевода – применение конкретизации: р. *розовенькая* – б. *румена / руменка*. Предпочтение модуляции в представленном переводе продиктовано тем, что эпитет б. *румен* широко распространен в фольклорных текстах и устойчиво связывается в болгарском языковом сознании с образом болгарской девушки, что в некоторой степени меняет прагматический потенциал образа.

Существует мнение, что передача стилистических особенностей ИТ – всего лишь функция транслирования его содержательной и прагматической составляющих. Например, В. С. Виноградов подчеркивает, что главное в переводе – это передача смысла и все остальные характеристики текста, в том числе и стилистические, не могут быть переданы без нее. Они извлекаются из смысловой организации текста и являются следствием ее адекватного транслирования при переводе [1, с. 10]. Однако нельзя не согласиться, что стилистические характеристики текста в значительной степени обуславливают решения переводчика в каждом конкретном случае – выбор языковых единиц ПЯ и применение трансформаций должны осуществляться с учетом функционально-стилевых, жанровых и экспрессивных особенностей оригинала. Обращаясь к стилистическим факторам, влияющим на перевод, Л. К. Латышев, уточняет, что понятие стиль довольно

широкое, и поэтому уместно иметь в виду всего два его аспекта: нормативно-стилистическую окраску языковых единиц и функциональный стиль [7, с. 66]. В любом тексте преобладает стилистически нейтральная лексика, но в зависимости от жанра произведения и других факторов часто можно столкнуться и с многообразием стилистически окрашенных единиц, которые формируют особый колорит произведения. Стилистически окрашенные языковые средства М. Н. Кожина разделяет на две группы: функциональные (закрепленные за определенным функциональным стилем) и экспрессивные [3, с. 285]. В художественно-публицистическом тексте преобладает второй тип. Рассмотрим несколько примеров.

(13) р. *Тепло и питье, медицина и доброе отношение, сладости и покой... все в комплексе расслабило девушку, и она «поплыла».* / б. *Топлината и течностите, хапчетата и доброто отношение, хапването и спокойствието ... всичко това я накара да се отпусне и тя «се отнесе».*

Словарные значения лексем р./б. *медицина* в ИЯ и ПЯ совпадают – это «совокупность наук о болезнях и их лечении и предупреждении» [8; 10]. Однако их разное использование в некоторых контекстах может быть обусловлено прагматическими или стилистическими факторами. Например, исходная единица в приведенном примере обобщенно называет средства, которыми пользуется медицинская наука в своих целях. Из контекста становится ясно, что автор говорит о медикаментах (лекарствах), поэтому переводчик использовал частотную разговорную лексему с конкретным значением – б. *хапчета*, вместо нейтральной б. *таблетки* или же гиперонима б. *лекарства*. Таким образом осуществляется стилистическая компенсация на основе конкретизации – невозможность сохранить разговорный характер лексемы р. *питье* требует возмещения этой характеристики в ближайшем контексте. В этом случае сохранена и информативность оригинала, и его стилистическая окраска.

В переводе текста неоднократно встречается применение дифференциации значения синонимов для достижения образности, экспрессивности. На несовпадении стилистически маркированных

значений денотативных эквивалентов в РЯ и БЯ основывается перевод в следующем контексте:

(14) р. *Пахать эти снега по пояс – никому не позавидуешь.* / б. *Да блъскаш в този сняг, затънал до кръста, не е за завиждање.*

Актуализированный здесь лексико-семантический вариант лексемы р. *пахать* принадлежит к разговорному регистру и имеет значение 'совершать тяжелую работу'. Денотативное соответствие б. *ора* не характеризуется подобным переносным употреблением. Необходимая сема содержится в глаголах – б. *драпам*, *бъхтя*, *опъвам*, которые тоже являются разговорными. Выбор одного из этих вариантов определяется контекстом – здесь необходимо передать смысл 'передвигаться по пояс в снегу'. Глагол б. *драпам*, например, более применим в альпинистском дискурсе при обозначении движения вверх по скользкой поверхности или по скалам. Стремясь сохранить разговорность и прагматическую нагрузку оригинала, передать значение исходной единицы наиболее точным соответствием и учитывая характерную лексику не только в альпинистской сфере, но и в области горного туризма в целом, переводчик выбрал глагол б. *блъскам* в ПТ.

Причины применения дифференциации значения в следующем примере также комплексные:

(15) р. *Пошатываясь от болезни, пессимистично настроенный «все пропало», я шевелился по тропе за бодрыми портерами.* / б. *Олюлявайки се от болестта, с песимистична нагласа, че «всичко е свършено», аз кретах по пътеката след бодрите носачи.*

Значение слова р. *шевелиться* – «слегка двигаться» [8]. Лексико-семантический вариант со значением 'передвигаться очень медленно' характеризуется разговорностью. Денотативно соотносимый глагол б. *мърдам* тоже может выступать в таком значении, однако оно контекстуально зависимо – актуализируется только когда глагол употребляется в форме повелительного наклонения для выражения грубого приказа: б. *Мърдай!* Применение описательного перевода – б. *едва се движа* нейтрализует экспрессивность единицы оригинала. Кроме того, оно не передает извлекаемую из контекста причину такого движения – физическое

или психическое недомогание. Так как использованный в переводе глагол *кретам* содержит этот смысл в своей семантической структуре и в то же время полностью сохраняет стилистическую окрашенность высказывания, прием дифференциации имеет стилистические и семантико-прагматические основания и является вполне уместным.

В следующих примерах лексико-семантические трансформаций не несут обязательный характер, они применены по усмотрению переводчика по стилистическим соображениям:

(16) р. *Детали... **детали!*** / б. *Детайли, **подробности**...!*

В ИТ использован повтор, а в переводе для его избежания употребляется синоним – б. *подробности*. Эта синонимическая замена факультативна. Ее применение можно объяснить попыткой не допустить монотонности изложения и при помощи градации повысить уровень его экспрессивности.

(17) р. *Эффективность становится элегантностью и **наоборот***. / б. *Ефективността се превръща в еlegantност, а **елeгантността в ефективност***.

В ПТ использован прием лексического развертывания, что придает тексту необходимую яркость и выразительность.

Экстралингвистические (прагматические) факторы, обуславливающие применение переводческих трансформаций, могут быть связаны с социокультурными различиями между носителями ИЯ и ПЯ или со спецификой отраженной денотативной ситуации. В связи с вопросом о трудностях при переводе коннотативной лексики, безэквивалентной лексики, реалий, диалектизмов, жаргона, и других культурно специфических единиц, необходимо отметить, что непереводаемого в тексте не существует, если учитывать неабсолютный, относительных характер категории эквивалентности. Переводчик применяет модификации, чтобы смягчить культурные различия [7, с. 22). Таким образом удастся компенсировать недостаток фоновых знаний, непрозрачность образности и добиться нужного коммуникативного эффекта.

Прагматическая адаптация может выражаться в применении приема генерализации – когда употребление денотативного соответствия исходной единицы затрудняет восприятие читателя

перевода, так как словоупотребление в данном контексте основывается на его коннотативном значении. Например:

(18) р. *И железная **стрекоза** свободная и резкая в своей стихии унеслась прочь.* / б. *Желязната **птица**, свободна и пъргава в стихията си, отлетя.*

Исходная лексема р. *стрекоза* здесь имеет конкретное значение, а в переводе использовано более общее понятие б. *птица* – «животное с крыльями» [8], т.е. что-то летающее. Хотя в ИТ лексическая единица обозначает насекомое, в переводе она заменена на название представителя иного биологического вида. Причину этой замены можно обосновать тем, что в болгарском языковом сознании метафорический перенос, когда речь идет о чем-то летающем, часто связывается именно с птицей. В этом случае речь идет о вертолете, и употребление лексем, называющих другие виды летающих насекомых, было бы неуместно. Денотативный эквивалент исходной лексемы – б. *водно конче* не является подходящим. С одной стороны, он не подвергается метафоризации, а с другой – расчлененность номинации в сочетании с прилагательным б. *железен* делает фразу нетипичной для болгарского языка. Кроме того, переводчик выбрал вариант б. *птица*, так как далее в предложении следует определение р. *свободная*, а для представителя болгарской лингвокультуры именно птица является олицетворением свободы.

По тем же причинам может быть использован прием конкретизации:

(19) р. *Мы как два **насекомых** упорно ползли по светлomu лезвию.* / б. *Ние, като две **мравки**, упорито пълзяхме по осветеното острие.*

Исходная лексема р. *насекомое* имеет более широкое значение, называя весь класс животных, а в переводе использовано конкретное наименование насекомого – б. *мравка*, родовое понятие заменено видовым. В болгарском языковом сознании упорство, кропотливость и усердие связываются с образом муравья, а не любого насекомого. Следовательно, необходимость гипо-гиперонимической замены здесь продиктована стремлением сохранить образность, прагматический потенциал сравнения. Конкретизация обусловлена несоответствием коннотативных значений исходной единицы и ее денотативного

эквивалента.

В следующем примере прагматическая адаптация достигнута за счет приема генерализации, но на этот раз она обусловлена недостатком фоновых знаний у читателя перевода:

(20) р. *Болтался в МТВ-эшках на высоте по разным горным системам.* / б. *Летял съм с Ми-8 из планините.*

Несмотря на то, что в Болгарии тоже используются русские вертолеты Ми-8, их официальное название р. *Ми-8ТВ* или р. *МТВ* (модель вертолета Ми-8) не знакомы носителю БЯ. В данном тексте использован разговорный вариант аббревиатуры – р. *МТВ-эшка*. Эти названия непопулярны и не употребляются широко в БЯ, кроме как в научно-технических текстах и в речи специалистов. В переводе использовано название вертолета б. *Ми-8*, которое поймет носитель болгарского языка. Переводчик использовал более общее название вертолетов, не углубляясь в детали.

Прагматическая адаптация может выражаться и в добавлении компонентов, восполняющих недостающие читателю перевода фоновые знания или недоступной для него имплицитной информации, а также прослеживающих неуловимую интертекстуальность.

(21) р. *Раскачиваясь из стороны в сторону, балансируя на узком ледяном гребне, двойка двинулась впереди. В стиле неваляшек – едва не распадаясь по сторонам.* / б. *С мъка удържайки стабилност в стремежа си да балансира върху тънкия гребен, двойката тръгна пред мен. Клатушкаха се на всички страни като кукли-неваляшки.*

В данном примере к реалии р. *неваляшка*, которая называет предмет, характерный для жизни (быта и культуры) русских и являющийся носителем русского (советского) национального колорита [2, с. 55], добавлено поясняющее слово б. *кукла*, причем значение, на котором основывается образное сравнение, также эксплицировано в ПТ. Неваляшки были популярны и в Болгарии благодаря тесным контактам между двумя странами. Наличие дополнительного элемента в переводе, который поясняет исходную лексику, можно объяснить тем, что эта игрушка была популярна в 70-ые и 80-ые годы XX века и вполне возможно, что для читателей

младшего поколения этот образ окажется неинформативным.

(22) р. *Как там в песне? – «настоящих буйных мало, вот и нету вожаков».* / б. *Както се пее в песента на **Висоци**: «буйните не ни достигат, нямаме си вожд, уви!»*

В ИТ уточняется, что это фраза из песни. Читателю оригинала известно, что это за песня, а для реципиента ПТ необходимо эксплицировать эту информацию. Переводчик решил сделать это через указание на фамилию достаточно популярного среди носителей БЯ автора, в чьем творчестве тема альпинизма и гор присутствует осязаемо.

Учет особенностей отражаемой в тексте денотативной ситуации также важен при переводе художественно-публицистических текстов, так как они обычно сфокусированы на отражении определенного фрагмента действительности (это может быть социально-значимая тема, конкретная сфера деятельности и пр.) и поэтому могут содержать специфические языковые и речевые средства. Некоторые трансформации в проанализированном переводе обусловлены альпинистским дискурсом, например:

р. *Снег **жесткий**, опасно.* / б. *Снегът е много **фирнован**, опасно е.*

В данном случае дифференциацию можно объяснить наличием более точно передающей состояние снега лексемы б. *фирнован*. Смысловое содержание исходной и переводной единицы совпадают по семантическому компоненту 'плотный, упругий'. Выбор этого соответствия вместо словарного эквивалента б. *твърд* дифференцирует состояние снега – здесь подразумевается плотный, слежавшийся, частично перекристаллизованный скользкий снег – промежуточная стадия между снегом и льдом. Такое состояние снежного покрова повышает опасность сорваться со склона в пропасть. Эта дифференциация не является обязательной, исходную лексему можно перевести и лексемой б. *твърд*, но наблюдения над речью альпинистов показывают, что они чаще употребляют именно б. *фирнован* для того, чтобы назвать состояние снега.

(23) р. *Отдай **сумку**, говорю!* / б. *Дай си **сак** ти казвам!*

Значение исходной единицы р. *сумка* при переводе конкретизировано – указан конкретный вид сумки, который

используется в типичных ситуациях. Употребление существительного б. *чанта* возможно, трансформация в этом случае факультативна. Лексема б. *сак*, выбрана при переводе по двум причинам. Во-первых, далее в тексте употреблено существительное р. *баул*, одно из значений которого – 'большая мягкая дорожная сумка' [9]. Во-вторых, в альпинистской практике название такой сумки в БЯ – расчлененная номинация б. *експедиционен сак*. Во избежание лишней книжности повествования переводчик ограничился ее опорным словом. Переводческое решение в этом случае обеспечивает информативную и прагматическую равноценность ИТ и ПТ, так как корректно передает денотативную ситуацию.

Итак, исследованный материал показал, что специфика контактирующих при переводе языковых систем, особенности художественно-публицистического жанра, тематика текста, а также характеристики стиля автора приводят к трудностям при переводе, но они преодолимы путем применения разного типа трансформаций. Как отмечает В. Н. Комиссаров, при их помощи достигается максимально возможная эквивалентность и адекватность, а полная тождественность ИТ и ПТ не является возможной [5, с. 13]. Чтобы уместно использовать переводческие приемы, необходимо проанализировать весомость разных аспектов ИТ – его смысловой, прагматической, стилистической, социокультурной составляющей, выстроить их иерархию и учитывать совокупность всех факторов – лингвистических и экстралингвистических, обуславливающих решение переводчика.

Библиографический список

1. Виноградов В.С. Введение в переводоведение. – М.: ИОСО РАО, 2001.
2. Влахов С.И., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М.: Высшая школа, 1986.
3. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка. – М.: Флинта; Наука, 2011.
4. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высшая школа, 1990
5. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. – М.: ЭТС, 2002.

6. Купина Н.А., Матвеева Т.В. Стилистика современного русского языка. – М.: Юрайт, 2013.
7. Латышев 2005 – Латышев Л.К. Технология перевода. – М.: Академия, 2005.

Лексикографические источники

1. Ожегов С.И. (под ред. Шведовой) Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1981
2. ЭСМРЯ - Лебедев В. Этимологический словарь мирового русского языка. <https://books.google.bg/>
3. Online Rechnic.com <http://www.onlinerechnik.com/>

Манчев Владимир Симеонович
доктор филологии, гл. ассистент
Софийский университет
им. Св. Климента Охридского
Болгария, г. София
e-mail: v.manchev@abv.bg

Manchev Vladimir Simeonovich
PhD, Chief Assistant Professor
Sofia University St. Kliment
Ohridski
Bulgaria, Sofia
e-mail: v.manchev@abv.bg

В.С. Манчев

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РУССКИХ
ТРАНСФОРМИРОВАННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИХ ПЕРЕДАЧИ НА БОЛГАРСКИЙ ЯЗЫК
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ
РУССКОЙ ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)**

Аннотация. В предлагаемой статье рассматриваются некоторые особенности русских трансформированных фразеологических единиц, встречающихся в современной русской фантастической литературе с точки зрения их передачи на болгарский язык. Отмечается, что представляет это явление, как трансформация фразеологических единиц свидетельствует о постоянном обновлении и развитии языка, передача русских ТФЕ на болгарский язык чаще всего не является неосуществимой задачей, а донести смысл фразеологизма до адресата перевода возможно всегда.

Ключевые слова: русские трансформированные фразеологические единицы, современная русская фантастическая литература, передача на болгарский язык.

V.S. Manchev

**ON SOME FEATURES OF RUSSIAN TRANSFORMED
PHRASEOLOGICAL UNITS FROM THE POINT OF VIEW OF
THEIR TRANSFER INTO THE BULGARIAN LANGUAGE (BY
THE MATERIAL OF WORKS OF MODERN RUSSIAN
FANTASTIC LITERATURE)**

Abstract. The proposed article discusses some features of Russian transformed phraseological units found in modern Russian science fiction literature from the point of view of their translation into Bulgarian. It is noted that such a phenomenon as the transformation of phraseological units indicates the constant renewal and development of the language, the transfer of Russian TPU into Bulgarian is most often not an impossible

task, and it is always possible to convey the meaning of a phraseological unit to the addressee of the translation.

Keywords: Russian transformed phraseological units, modern Russian fantasy literature, translation into Bulgarian.

Как известно, художественное творчество есть способ познания человеком самого себя, окружающего мира, осмысления своего места в нем и т.д. В свою очередь, научно-фантастическая литература предполагает также и прогнозирование будущего, создание разнообразных моделей общества, служит для изучения поведения человека в необычных обстоятельствах и чрезвычайных ситуациях. В то же время, являясь частью художественной литературы, научная фантастика активно использует все возможности языка, не пренебрегая и его фразеологическим богатством.

Фразеология, без сомнения, является неотъемлемой частью живого народного языка, как и языка художественной литературы. Не менее известен и тот факт, что в наши дни довольно широкое распространение получили такие явления, как актуализация и трансформация фразеологизмов, наблюдаемые в разных стилях современного русского литературного языка. В центре внимания данной статьи будут находиться художественный стиль и трансформация фразеологических единиц (далее – ФЕ).

Явление трансформации ФЕ свидетельствует о постоянном обновлении и развитии языка, к нему все чаще прибегают не только журналисты, но и авторы художественных произведений, что вполне логично, ибо фразеология является одним из наиболее образных и эффективных средств языка. С другой стороны, даже такой яркий инструмент языка подчас нуждается в «оживлении» приспособлении к определенному контексту. Еще одним, пусть и не главным, мотивом, побуждающим писателей к видоизменению ФЕ является стремление к экономии речевых средств. Поэтому неудивительно, что писатели прибегают к трансформации ФЕ, делая их еще более краткими, образными, современно звучащими, приспособленными к условиям конкретного контекста.

Попробуем дать определение термина «трансформация», которое мы будем использовать в качестве рабочего в данной статье: нестандартное, отвечающее требованиям контекста, использование

ФЕ с изменением ее формы и содержания. Трансформированные фразеологические единицы (далее – ТФЕ) используются для придания тексту определенного колорита, достижения экспрессии, внесения дополнительных семантических оттенков, активизации восприятия текста.

Что же касается передачи не только трансформированных, но и исходных ФЕ на язык перевода (далее – ПЯ), то в начале следует обратиться к их классификации. Прежде всего в первую очередь сошлемся на классификацию ФЕ русского языка, предложенную В.В.Виноградовым и предусматривающую три основных типа данных единиц в порядке убывающей степени тесноты связи между их компонентами: фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания.

В свою очередь Я.И. Рецкер, считая предложенную академиком Виноградовым классификацию весьма удобной как для теории, так и для практики перевода, рассматривает лишь фразеологические сращения и фразеологические единства, полагая, что для передачи названных двух групп ФЕ следует использовать разные приемы перевода. А именно: перевод фразеологического единства, по мнению ученого, должен быть по возможности образным, в то время как для передачи фразеологического сращения необходимо применять главным образом прием целостного преобразования.

Известные и авторитетные болгарские переводчики и теоретики перевода С. Влахов, С. Флорин, рассуждая о классификации ФЕ с точки зрения перевода пишут, что: «мы также не привязываем нашу схему к той или иной из лингвистических, стараясь опираться больше на теорию закономерных соответствий, направленную прежде всего на перевод на уровне словосочетания. За основу можно принять установку, против которой обычно не спорят: как правило, фразеологизм переводят фразеологизмом. Мы не абсолютизируем это правило; просто считаем, что к такому переводу, как к идеалу, нужно стремиться в первую очередь и искать иных путей, лишь убедившись в нецелесообразности фразеологического перевода в данном тексте.» [3, с. 183]. Согласимся с точкой зрения исследователей.

Итак, рассмотрим в первую очередь те ТФЕ, в основе которых

находятся фразеологизмы, имеющие эквиваленты в болгарском языке.

Одной из таких ТФЕ, несомненно, является фразеологизм «бежать впереди паровозного дыма», основой для которого послужила ФЕ «бежать впереди паровоза» («опережать события, нарушать нормальный ход развития ситуации» [5]:

«Не беги впереди паровозного дыма.» [8, с. 15]

Конечно, учитывая наличие в болгарском языке эквивалента «бърза като теле (пале) пред майка си», передать приведенную выше ТФЕ на ПЯ не составит труда, достаточно лишь добавить подходящую по экспрессивности лексему, например: «Не бързай като шантаво теле пред майка си» (вариант наш – В.М.).

Приведем еще один пример ТФЕ, основанной на хорошо известной пословице «Дареному коню в зубы не смотрят»:

«Сам знаешь, дареному танку в дуло не смотрят.» [4, с. 26]

Безусловно, приведенная выше русская пословица имеет точное соответствие в болгарском языке, что позволяет нам легко создать болгарский эквивалент русской ТФЕ: «На харизан танк дулото не се гледа» (вариант наш – В.М.).

Интерес с точки зрения перевода, безусловно, вызывает такое явление, как объединение двух и более ФЕ. Так, например, в фантастическом романе Михаила Михеева «Адмирал» встречаем сразу три ФЕ – «назвался груздем – полезай в кузов», «держат пальцы веером», «съесть и не подавиться»:

«Ну что же, назвался груздем – держи пальцы веером, а то съедят и не подавятся.» [7, с. 3]

В данном случае можно, на наш взгляд, предложить следующий вариант передачи упомянутой выше ТФЕ на болгарский язык: «като си се хванал на това хоро, прави се на важен, иначе ти видят сметката» (вариант наш – В.М.).

Другим интересным примером, как нам кажется, является выражение «молчать как рыба об лед», основой которого послужили две ФЕ: «молчать как рыба» и «биться как рыба об лед», объединенные автором в одну, вероятно, для большей выразительности, экспрессивности и достижения комического эффекта:

«И кто сказал, что немцы плохо понимают? Молчал, как рыба об лед.» [10,с. 54]

Задачу переводчика здесь облегчает то, что как для первой, так и для второй части русской ТФЕ в болгарском языке существуют соответствия: «мълча като риба» и «мятам се като риба на сухо (мъча се като грешен дявол)». Следовательно, ее болгарское соответствие могло бы выглядеть так: «мълча като риба на сухо» (вариант наш – В.М.).

Другим важным вопросом, подлежащим рассмотрению, является передача ТФЕ, образованных от ФЕ, не имеющих эквивалентов в болгарском языке. Приведем в качестве примера ТФЕ, созданную на основе известной русской поговорки «Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало», болгарского аналога которой нам найти не удалось:

«Продолжающий попивать то ли чай, то ли кофе, но точно что-то горячее, судя по поднимающемуся над кружкой легкому парку, спецназовец лишь снисходительно улыбается. „Ну да, понимаю его: чем бы дети ни тешились – лишь бы не руками...» [4,с. 51].

Очевидно, что передать подобную ТФЕ на болгарский язык представляется почти невозможным, или во всяком случае весьма затруднительным. Однако, мы берем на себя смелость предложить следующий вариант: «да лудуват колкото си искат, само бели да не правят».

Такого рода случаи ставят переводчика перед выбором: прибегнуть к переводу (дословному либо описательному) или, применив творческий подход, самому создать эквивалент русской ТФЕ. Необходимо, однако, уточнить, что в первом случае будут утрачены образность и экспрессивность, а второй вариант может быть использован лишь тогда, когда в результате получается действительно образное, эмоционально окрашенное выражение, не противоречащее нормам болгарского языка.

В этом плане интерес представляет относительно недавно появившаяся в русском языке ФЕ – «закон – тайга, а медведь – прокурор», которая, однако, несмотря на свою новизну, также подверглась трансформации:

«Тут закон – океан, и акула – прокурор, а кто вообще докажет,

что мы тут были?» [12, с. 88]

Для передачи данной ТФЕ на болгарский язык, как нам представляется, можно было бы использовать следующий вариант: «океанът е закон, а акулата е прокурор» (вариант наш – В.М.).

Одним из способов создания ТФЕ, безусловно, является расширение и здесь трудно не согласиться с В.М. Мокиенко, отмечавшим, что «эксплицитность, является одной из сторон количественных изменений ФЕ. Этот процесс заключается в способности единицы увеличивать свой компонентный состав» [11, с. 82]. Приведем один интересный пример данного рода ТФЕ:

«И еще отчетливо понял, что эти «русские варвары» своими грамотно спланированными действиями развели его – его, кадрового офицера вермахта! – как последнего малоразвитого крестьянского лоха в самой распоследней пивной гамбургских трущоб.» [2, с.23].

В данном случае мы имеем дело с жаргонной ФЕ «развести (кого-л.) как лоха» в значении «обмануть, обвести вокруг пальца». Для передачи упомянутого фразеологизма представляется возможным использовать болгарское выражение «пращам (някого) за зелен хайвер», имеющее то же значение и выраженный разговорный характер.

Безусловно интересными с точки зрения передачи на болгарский язык представляются также русские ТФЕ, в которых наличествует такое явление, как фразеологический эллипсис:

«Опасения Ивана он искренне разделял, добавляя, что для него после Т-34 пересаживаться на что-то более древнее вообще как ножом по...» [1, с. 17]

В приведенном выше примере обращают на себя внимание два обстоятельства: во-первых, намеренный отказ от использования явно нелитературной лексемы и, во-вторых, стремление к достижению большей выразительности ТФЕ. Здесь мы полностью разделяем мнение Н.М. Шанского: «В результате сокращения устойчивые словосочетания становятся более выразительными в стилистическом отношении и удобными с точки зрения речевого использования» [13, с. 113]. Для передачи процитированной выше ТФЕ на болгарский язык, как нам представляется, можно было бы использовать описательный перевод.

Приемом расширения состава фразеологизма воспользовался автор романа «Летчик 5» Владимир Малыгин:

«Как только немного набрали скорость, как только штурвал перестал в руках болтаться, словно то самое, в приличном обществе не упоминаемое, которое в проруби бултыхается, так сразу же и команду дал на уборку шасси.» [6,с.14]

В приведенном примере ТФЕ «болтаться, словно то самое, в приличном обществе не упоминаемое, которое в проруби бултыхается» представляет собой расширение ФЕ «болтаться, как г...но в проруби» («Быть в неопределенной ситуации, чувствовать себя неприкаемым» [5]. Представленную выше ТФЕ, учитывая контекст, можно было бы передать на болгарский язык как «клати се като пияна патица».

Несмотря на близость русского и болгарского языков в ряде случаев во фразеологическом эквиваленте исходной русской ФЕ используется иная образная основа. Так, например, обстоит дело с фразеологизмом «нервно курить в сторонке», имеющим значение: «и близко не стоял; не сравнить»[14]:

«Любой Безумный Макс будет завистливо покуривать в сторонке.» [4, с. 24]

Для передачи на болгарский язык приведенной выше ТФЕ переводчику необходимо либо найти в ПЯ фразеологизм с аналогичным переносным значением, но базирующемся на ином образе, либо использовать устойчивое сочетание. Например:«*НЕ ИЗДЪРЖА НИКАКВО СРАВНЕНИЕ С НЯКОГО / НЕЩО*».

В заключение отметим, что такое явление, как трансформация фразеологических единиц свидетельствует о постоянном обновлении и развитии языка, а анализ ТФЕ помогает более полно раскрыть особенности национального мироощущения и мировосприятия носителей языка, более детально обрисовать их картину мира, составить более достоверное представление об эпохе, в которую они создавались. Как совершенно справедливо отмечает В.М. Мокиенко: «народные истоки образного языка русской литературы не только продолжают жить, но и становятся всё полноводнее, обогащаясь и современной разговорной речью, и современными литературными произведениями...» [11, с. 17]. Вместе с тем, однако, в ряде случаев

мы сталкиваемся с употреблением сниженной лексики и проявлениями довольно специфического юмора.

В свою очередь, говоря о передаче русских ТФЕ на болгарский язык необходимо, с одной стороны, учитывать и пытаться сохранить их уникальность и своеобразие, а с другой – тот факт, что в их основе находятся базовые ФЕ, приемы передачи которых на ПЯ уже хорошо известны и разработаны. Что касается трансформированной части фразеологизмов, то в данном случае переводчик может (в зависимости от контекста, особенностей ТФЕ, возможностей ПЯ и собственного опыта) использовать прием дословного либо описательного перевода, или же предложить собственный вариант.

Таким образом, мы можем утверждать, что передача русских ТФЕ на болгарский язык, как правило, не является неосуществимой задачей, во всяком случае донести смысл фразеологизма до адресата перевода возможно всегда.

Библиографический список

1. Алексеев М. «Стилет для „Тайфуна“». http://loveread.ec/read_book.php?id=94117&p=17 дата обращения: 10.05.2022.
2. Байбаков И. «1941 – Бои местного значения». http://loveread.ec/read_book.php?id=85918&p=23
3. Влахов С., Флорин С. «Непереводимое в переводе». Москва. «Международные отношения», 1980. 340 с.
4. Громов Б. «Это моя земля!». http://loveread.ec/read_book.php?id=52026&p=51 дата обращения: 4.02.2022
5. Кузмич, В. Жгучий глагол: Словарь народной фразеологии. – Зеленый век. 2000. (Цит. по: <https://folklor.academic.ru/45/> Бежать_вперед_паровоза дата обращения: 18.11.2022).
6. Малыгин В. «Летчик5» http://loveread.ec/read_book.php?id=100769&p=14 дата обращения: 06.02.2022)
7. Михеев М. «Адмирал». http://loveread.ec/read_book.php?id=55313&p=3 дата обращения: 26.01.2022
8. Михеев М. «Солдаты погибшей империи». http://loveread.ec/read_book.php?id=101234&p=52 дата обращения: 24.01.2022
9. Михеев М. «Страна рухнувшего солнца». http://loveread.ec/read_book.php?id=63075&p=71 дата обращения: 01.02.2022
10. Михеев М. «Т-34. Крепость на колесах».

http://loveread.ec/read_book.php?id=86614&p=54 20.02.2022

11. Мокиенко В.М. Вариантность фразеологии и проблема индивидуально-авторских фразеологических единиц // Современная русская лексикография. 1977. Л., 1979 –122 с.

12. Савин В. «Белая субмарина». http://loveread.ec/read_book.php?id=23219&p=88 дата обращения: 10.03.2022

13. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка: Учеб. пособие для вузов по спец. «Русский язык и литература». - 3-е изд., испр. и доп. - М.: Высш. шк., 1985 – 160 с.

https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/345363/нервно дата обращения: 23.11.2022.

Арсениев Светослав Валентинов
Старший преподаватель
Университет национальной и
мировой экономики
Болгария, София
e-mail: s_arseniev@unwe.bg

Arseniev Svetoslav Valentinov
Senior Lecturer
University of National and World
Economy
Bulgaria, Sofia
e-mail: s_arseniev@unwe.bg

С.В. Арсениев

О передаче аббревиатур в годовых финансовых отчетах компаний *България Ер* и *Аэрофлот*

Аннотация: В статье рассматриваются аббревиатуры, содержащиеся в годовых финансовых отчетах компаний *България Ер* и *Аэрофлот*. Выделены соответствующие тематические группы, проанализированы варианты их передачи на другой язык путем транслитерации, сохранения написания на латинице и создания новых аббревиатур на основе перевода терминов и понятий исходного языка. Приведены примеры расшифровки значений аббревиатур некоторых сложных для перевода наименований.

Ключевые слова: аббревиатура, годовой финансовый отчет, расшифровка, тематическая группа, финансы.

S.V. Arseniev

On the transfer of abbreviations in the annual financial reports of *Bulgaria Air* and *Aeroflot*

Abstract: The article discusses the abbreviations contained in the annual financial reports of *Bulgaria Air* and *Aeroflot*. The corresponding thematic groups are identified, the variants of their transfer to another language by transliteration, preservation of Latin and creation of new abbreviations based on the translation of terms and concepts of the source language are analyzed. Examples of deciphering the meanings of abbreviations of some difficult to translate names are given.

Keywords: abbreviation, annual financial report, transcript, thematic group, finance.

Интенсивность и масштабность международных контактов в сфере финансов [15, с. 22] поднимает на новый уровень финансовую отчетность, в значительной степени обогащает и усложняет финансовую терминологию [14, с. 314]. Особенности использования финансовых терминов, в т.ч. частые повторы, обеспечивающие однозначность восприятия текста, требует, в силу принципа экономии языковых усилий, употребления аббревиатур. Данная

тенденция усиливается – использование аббревиатур, обозначающих термины и понятия, компрессирует речь, облегчая таким образом письменный текст и наращивая темп передачи информации. Аббревиатура, как отмечает Д.И. Алексеев обобщает исходную информацию и обеспечивает ее интеграцию (сжатие) [1, с. 70]. Конкретное проявление этой тенденции наблюдается в текстах годовой финансовой отчетности и примечаний к ним. Определяющими характеристиками текстов официально-делового стиля, к которому относятся и годовые финансовые отчеты, являются обстоятельность изложения, как производная из точности [5, с. 70], и краткость (лаконичность). В.А. Маркова, комментируя очевидную противоречивость двух характеристик, формулирует понятие *информационной емкости*, указывающее на важность не длины текстового фрагмента, количества слов в предложении и т.п., а соотношения объема предъявляемой информации и средств выражения этой информации [6, с. 64]. Достижению информационной емкости в годовых финансовых отчетах, среди прочего, способствует использование различных аббревиатур. Вопросы их употребления и функционирования мало исследованы. Основные цели статьи – выделение тематических групп аббревиатур в годовых финансовых отчетах компаний *Аэрофлот* и *България Ер* и определение способов их передачи на соответствующий язык.

Анализ аббревиатур, использованных в отчете российской компании, позволил выделить следующие четыре тематические группы с соответствующими подгруппами:

– финансовая:

– аббревиатуры, обозначающие термины, регулирующие финансовый учет, как и названия самих отчетов: *ГФО* – *годовой финансовый отчет*; *КФО* – *консолидированный финансовый отчет*; *МСА* – *Международные стандарты аудита*; *МСС* – *Международные счетоводные стандарты* (англ. *IAS*) *МСФО* – *Международные стандарты финансовой отчетности* (англ. *IFRS*); *НСБУ* – *Национальные стандарты бухгалтерского учета*; *ПБУ* – *Правила бухгалтерского учета*; *СМСЭБ* – *Совет по международным стандартам этики для бухгалтеров*;

ФИФО (метод) – *First In, First Out* (метод учета проданных активов); *ФСБУ* – *Федеральные стандарты бухгалтерского учета*;

– аббревиатуры, обозначающие термины, связанные с осуществлением финансовых операций и налогами: *ГДР* – (*глобальные депозитарные расписки*); *ГЕ* – (*генерирующие единицы*); *НДС* – *налог на добавленную стоимость*; *НДФЛ* – *налог на доходы физических лиц*;

– аббревиатуры, обозначающие англоязычные финансовые термины: *CASS* – *Current Account, Savings Account*; *EBITDA* – *Earnings before interest, taxes, depreciation and amortization*; *SPPI* – *Solely Payments of Principal and Interest*; *SWOT* – *Strengths Weaknesses Opportunities Threats*

WACC – *Weighted Average Cost of Capital*;

– кредитные рейтинги: *В1*; *Ваа3*; *ВВ+*; *ВВВ*.

– транспортная:

– *АК* – *авиакомпания*; *ВС* – *воздушное судно*; *ИАТА* (англ. *IATA*); *Трансаэро*; *МС-21-300* – *самолет*;

– аббревиатуры, обозначающие иноязычные термины сферы транспорта: *BSP* – *Billing and Settlement Plan*; *SITA* – *Société Internationale de Télécommunications Aéronautiques*.

– административная:

– наименования государств, межправительственных организаций, регионов: *РФ* – *Российская Федерация*; *ЕС* – *Европейский Союз*; *СНГ* – *Содружество Независимых государств*; *БСВ* – *Ближний и Средний Восток*;

– наименование ведомств и их подразделений: *Минфин* – *Министерство финансов*, *ФНС* – *Федеральная налоговая служба*, *ОКУД* – *Общий классификатор управленческой документации*; *ЦБ* (*Центробанк*) *РФ* – *Центральный банк Российской Федерации*;

– названия банков и англоязычные аббревиатуры названий аудиторских компаний: *ВТБ* – *Внешнеторговый банк*; *Сбербанк* – *Сберегательный банк*; *РWC* –

PricewaterhouseCoopers; S&P – Standard & Poor’s;

– юридическая:

– аббревиатуры, обозначающие законы и своды законов:

ГК – Гражданский кодекс; ФЗ – Федеральный закон; НК РФ – Налоговый кодекс;

– организационно-правовые формы хозяйствующих объектов: *АО – акционерное общество; ПАО – публичное акционерное общество; ООО – общество с ограниченной ответственностью.*

В годовом финансовом отчете компании *Аэрофлот* 49 аббревиатур. Из них 30 – это аббревиатуры, обозначающие термины и понятия русского языка, 17 – аббревиатуры, обозначающие иноязычные термины и понятия (16 английских и 1 – французская), 2 – транслитерированные аббревиатуры. Одна из них *ФИФО*, обозначающая термин *First In, First Out*, специфический метод учета активов, при котором материальные активы учитываются в документации как реализованные по цене продажи первой партии данного актива. Использование транслитерированной аббревиатуры закрепилось в учетной документации российских компаний независимо от предмета их деятельности. Вторая аббревиатура *ИАТА* обозначает название Международной ассоциации воздушного транспорта (англ. *IATA – International Air Transport Association*) и используется в документации, связанной с воздушным транспортом, в т.ч. в учетных документах авиакомпаний. Транслитерация, как способ передачи заимствованной аббревиатуры буквами русского алфавита, достаточна продуктивна – при сохранении семантики, аббревиатуре обеспечивается функционирование в качестве лексической единицы русского языка.

Влияние экстралингвистических факторов на развитие языка [4, с.30] находит еще одно подтверждение в использовании в документах финансовой отчетности иноязычных аббревиатур без каких-либо изменений, т.е. с сохранением написания латинскими буквами. В рассматриваемом годовом отчете 17 подобных аббревиатур. Причины и основания их использования состоят в том, что тексты годовых отчетов подготовлены с использованием терминов, содержащихся в Международных стандартах финансовой

отчетности. Финансовые специалисты в процессе подготовки отчетности используют заимствованные аббревиатуры не только в целях экономии языковых усилий, но и для ориентирования к существующему понятию, которое употребляется в финансовой отчетности. Например, расшифровка аббревиатуры *EBITDA* на английском языке означает *Earnings before interest, taxes, depreciation and amortization*, и, соответственно, на русском языке: *прибыль до вычета процентов, налогов, износа и амортизации*. Несмотря на существование указанного развернутого перевода термина на русский язык, в российских финансовых документах используется аббревиатура *EBITDA*. В равной степени указанная практика [3, с. 64] относится и к другим, приведенным ранее, аббревиатурам: *CASS*, *SPPI*, *SWOT*, *WACC*.

Наиболее многочисленная группа аббревиатур, как было отмечено ранее, это аббревиатуры, обозначающие термины и понятия русского языка, они являются наиболее трудными объектами для перевода [8, с. 346]. Если в нескольких случаях есть совпадение между составом аббревиатур обоих языков (*ГДР*, *ГФО*, *МСС*, *МСФО* и т.д.), или же аббревиатуры, обозначающие одни и те же понятия, уже существуют в болгарском и русском языках (*СМСЭБ* – *Совет по международным стандартам этики для бухгалтеров* / *СМСЕМ* – *Съвет за международни стандарти по етика за счетоводители*, как и *СМСС* – *Съвет по международни счетоводни стандарти* / *СМСФО* – *Совет по Международным стандартам финансовой отчетности*), то передача других терминов требует выбора соответствующей переводческой стратегии, для чего необходимы профессиональный опыт и высокая квалификация переводчика [9, с.191]. Возможны варианты предварительного перевода иноязычного термина и последующего создания новой аббревиатуры или транслитерация иноязычной аббревиатуры с расшифровкой ее значения [7, с. 352].

Пример первого варианта – это передача названия межгосударственной структуры *Содружество Независимых Государств* – *СНГ* на болгарский язык как *Общност на независимите държави* – *ОНД*. Аббревиатура *ОНД* имеет широкое хождение в СМИ и научной литературе. Другой пример того же

варианта: аббревиатура рус. *ВС* – *воздушное судно*, перевод термина на болгарский язык – *летателен апарат*¹ и его аббревиация – *ЛА*. В отличие от первого примера, данная аббревиатура намного ограниченнее в употреблении, используется в специализированной документации, с которой работают специалисты соответствующего профиля, поэтому создание новой аббревиатуры вполне приемлемо и понятно экспертам. Необходимо обратить внимание еще на одно обстоятельство. В отчете компании *България ер* вместо русского термина *воздушное судно (ВС)* употребляется болгарский термин *самолет* (болгарский авиаперевозчик не обладает иными аппаратами, например, вертолетами). Самолеты и вертолеты, без сомнения, являются воздушными судами, но данные термины относятся друг к другу как гипоним (*самолет, вертолет*) к гиперониму (*воздушное судно*). Парк компании *Аэрофлот* включает в себя не только самолеты, но и вертолеты, что не оставляет альтернативы для передачи термина *воздушное судно (ВС)* указанным образом. Следует отметить, что такой вариант передачи аббревиатуры используется реже по сравнению с транслитерацией – в процессе работы с переведенным текстом необходимо обращение к исходному тексту и измененная аббревиатура может вызвать определенные затруднения.

Второй вариант передачи иностранного термина – транслитерация, используется намного чаще. Данный подход анализируется в статье В. Хънтова «Перевод и транслитерация некоторых иноязычных аббревиатур в современном русском языке» [7, с. 354]. Действительно, в связи с употреблением идентичных в высокой степени графических систем, термин *транслитерация* в данном случае несколько условен, скорее речь о сохранении графем исходной аббревиатуры в переведенном тексте. Другой этап передачи термина – его расшифровка. В зависимости от вида текста и целей перевода используются два способа: расшифровка в скобках и расшифровка в сноске или в примечаниях к тексту.

Первый способ находит применение прежде всего в переводах отдельных документов, например, годового финансового отчета какой-либо компании. Приведем примеры передачи терминов *НДФЛ* и *НСБУ*: *НДФЛ* (рус. *налог на доходы физических лиц*, бълг. *данък*

¹ https://www.caa.bg/sites/default/files/upload/documents/2021-11/Procedura_LABS.pdf

върху доходите на физическите лица), далее *НСБУ* (рус. *Национальные стандарты бухгалтерского учета*, бълг. *Национални стандарти за счетоводна отчетност*). Расшифровка дается к первому термину в тексте; русская, в данном случае, аббревиатура сохраняется в неизменном виде в тексте перевода.

Если необходим перевод текста финансового отчета в каких-либо других целях, расшифровку термина можно расширить информацией о нормативной базе, регулирующей указанный налог. Сама расшифровка может быть представлена в виде сноски или примечания к тексту: *НДФЛ* (рус. *налог на доходы физических лиц*; бълг. *данък върху доходите на физическите лица*. Данъкът върху доходите на физическите лица в Русия се регулира от Данъчния кодекс на Руската федерация (рус. *Налоговый кодекс РФ*), глава 23; https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/6e508f67e051bccbe249e6f0aebb2fa31f61a111/).

Необходимо прокомментировать аббревиатуру *ФЗ* – *Федеральный закон*, которая встречается достаточно часто в юридических и финансовых текстах [10, с. 328] и [11, с. 31]. В тексте примечаний к годовой финансовой отчетности компании Аэрофлот указан федеральный закон № 208-ФЗ «О консолидированной финансовой отчетности». Для передачи аббревиатуры следует прибегнуть к транслитерации, а для размещения ее расшифровки уместно использовать сноску, в противном случае избежать излишнего нагромождения знаков препинания (скобки для расшифровки и кавычки для наименования закона) невозможно. При переводе следует помнить о различии в местах обобщающего и конкретизирующего элементов, принятых в болгарском и российском законодательствах [13, с. 203].

Аббревиатуры в отчете болгарской компании можно разделить на четыре тематические группы с соответствующими подгруппами:

– финансовая:

– аббревиатуры, обозначающие термины, регулирующие финансовый учет, как и названия самих отчетов: *ГФО* – *Годишен финансов отчет*; *КРМСФО* – *Комитет за разяснения на МСФО*; *МОС* – *международни одиторски стандарти*; *МСС* – *Международни счетоводни*

стандарти (IAS); МСФО – Международни стандарти за финансова отчетност (IFRS); НСС – Национални счетоводни стандарти; СМСЕМ – Съвет за международни стандарти по етика за счетоводители; СМСС – Съвет по международни счетоводни стандарти; СС – счетоводен стандарт; ФИФО;

– аббревиатуры, обозначающие термины, связанные с налогами: *ДДС – данък добавена стойност; ДОД – данък общ доход;*

– аббревиатуры, обозначающие англоязычные финансовые термины: *BGN; BSP; CASS; EBITDA; ECTE – EurocoinToken; ERP – Enterprise Resource Planning; SPPI; SWOT; USD.*

– транспортная:

– *ИАТА (англ. IATA);*

– аббревиатуры, обозначающие иноязычные термины сферы транспорта: *BSP; SITA.*

– административная:

– наименования государств, ведомств: *РБ – Република България; БНБ – Българска народна банка; НОИ – Национален осигурителен институт;*

– названия банков, профессиональных организаций и англоязычные аббревиатуры названий аудиторских компаний: *ИДЕС – Институт на дипломираните експерт-счетоводители; ЦКБ – Централна кооперативна банка; S&P.*

– юридическая

– аббревиатуры, обозначающие законы и своды законов: *ГК – Граждански кодекс; ЗКПО – Закон за корпоративното подоходно облагане; КТ – Кодекс на труда; ТЗ – Търговски закон;*

– организационно-правовые формы хозяйствующих объектов и коды регистрации компаний: *АД – акционерно дружество; ДЗЗД – дружества по Закона за задълженията и договорите; ЕАД – еднолично акционерно дружество; ЕИК – единен*

идентификационен код.

Пример перевода иноязычного термина с последующим созданием новой аббревиатуры на русском языке: болг. *СС – счетоводни стандарти* – это рус. *СБУ – стандарты бухгалтерского учета*. Причина выбора такого варианта передачи аббревиатуры болгарского текста экстралингвистические – негативные ассоциации, возникающие у русскоязычного пользователя в связи с аббревиатурой *СС*.

Написание на латинице аббревиатур иноязычных терминов, использованных в отчете компании *България Ер*, сохраняется без изменений.

Передача посредством транслитерации болгарской аббревиатуры намного продуктивнее. В частности, передача различных организационно-правовых форм (*АД, ООД, ЕООД*) болгарских компаний, их кода регистрации (*ЕИК*), расшифровка терминов рассматривались ранее [2, с. 85-86]. Рассмотрим расшифровку двух других аббревиатур: *НОИ* и *ИДЕС*. *НОИ* (болг. *Национален осигурителен институт*) – публичный институт, управляющий фондами государственного социального обеспечения (лечение и материнство; пенсии; аварии на производстве и профессиональные заболевания; безработица)¹. Охват деятельности *НОИ* совпадает с предметом и охватом социального обеспечения в Российской Федерации. Отличие состоит в том, что в России существуют не один, а несколько фондов, которые обеспечивают социальную защиту граждан: Пенсионный фонд России, Фонд обязательного медицинского страхования, Фонд социального страхования. Предлагаемая расшифровка аббревиатуры *НОИ* – *Национальный институт социального обеспечения*.

Несколько сложнее расшифровка аббревиатуры *ИДЕС* – *Институт на дипломираните експерт-счетоводители*. Данный институт² является зарегистрированной профессиональной организацией с самостоятельным финансированием, охватывающей специалистов-аудиторов, которые успешно выдержали экзамен на профессиональную пригодность. В Российской Федерации

¹ <https://nra.bg/wps/portal/nra/osiguryavane/darzhavno-obshtestveno-osiguryavane-doo>

² <https://www.ides.bg/>

существует подобная организация – Институт профессиональных бухгалтеров и аудиторов России¹, членами которого, наряду с аудиторами, являются главные бухгалтеры, финансовые директора, налоговые консультанты и т.д. Следовательно, вариант передачи наименования болгарской организации с использованием компонента *профессиональные бухгалтеры* неудачен. Другой возможный вариант *эксперт-бухгалтер* также неправильный, т.к. в России существует институт *бухгалтеров-экспертов*, специализирующихся на финансовой экспертизе в интересах органов суда. Формулировка *Институт дипломированных профессиональных аудиторов* сохраняет уточняющий компонент болг. *дипломирани*, точно отражает профессиональные компетенции соответствующих специалистов и может быть использована в расшифровке аббревиатуры *ИДЕС*.

Передача аббревиатур – это сложная работа, требующая от переводчика тщательного анализа и осмысления компонентов исходного термина [12, с. 194-195]. Передача аббревиатур в текстах годовых финансовых отчетов осуществляется, в порядке убывания, путем транслитерации, сохранения написания латиницей, переводом термина или понятия и созданием на его основе новой аббревиатуры.

Для компетентного перевода финансовых документов от переводчика требуется, кроме глубоких познаний в области финансовой терминологии, знание аббревиатур, некоего «аббревиатурного оптимума», без которого его работа осложнится в значительной степени.

Библиографический список

1. Алексеев Д.И. О месте аббревиации в системе русского словообразования // Актуальные вопросы словообразования, синтаксиса и стилистики современного русского языка. – 1974. – С. 59-74.
2. Арсениев С.В. Вопросы перевода основных аббревиатур в официальных документах Торгового реестра Агентства регистрации Республики Болгария // Язык, право, общество. – 2016. – С. 84-86.
3. Василева С.В. Съпоставителен текстолингвистичен анализ на Доклад за дейността (Geschäftsbericht) на български и немски език (на основата на

¹ <https://www.ipbr.org/>

- доклады на EVN Bulgaria). – С.: Изд. УНСС, 2021. – 125 с.
4. Димитрова Н.К. Терминологическая номинация в области транспортного экспедирования. – С.: Изд. ВТУ им. Т. Каблешкова, 2019. – 200 стр.
 5. Дускаева Л.Р., Протопопова О.В. Стилистика официально-деловой речи. – М.: Академия, 2012. 263 с.
 6. Маркова В.А. К вопросу о составе стилевых черт официально-делового стиля // Филология и человек. – 2018. – № 1. – С. 62-73.
 7. Хънтов В.С. Перевод и транслитерация некоторых иноязычных аббревиатур в современном русском языке. // Филологический сборник „Тверь – Велико-Тырново”. – 2012. Вып. V. – С. 350-357.
 8. Хънтов В.С. Перевод и транслитерация некоторых русских аббревиатур. // Филологический сборник „Тверь – Велико-Тырново”. – 2012. Вып. V. – С. 344-349.
 9. Хънтов В.С. О проблемах при переводе некоторых актуальных терминов и лексем общеправового характера с русского на болгарский язык. // Актуальные проблемы стилистики. – 2016. – №2. – с. 190-196.
 10. Хънтов В.С. О терминах «федеральный закон» и «федеральный конституционный закон» в современной российской конституции. // Текст. Структура и семантика. – 2017. – С. 324-330.
 11. Хънтов В.С. Российская правовая система глазами лингвиста-иностранца (поверхностные заметки). – Велико Тырново: Изд. „ИВИС”. – 2019. – 144 с.
 12. Хънтов В.С. За превода на няколко названия на български държавни структури на руски език. // Годишник на департамент „Романистика и германистика“. – 2018. – Том 4. – С. 188-196.
 13. Хънтов В.С. О передаче некоторых российских сокращений юридического характера на болгарский язык. // Осенние коммуникативные чтения. – 2020. – Том 1. – С. 201-205.
 14. Хънтов В.С. О словаре базовых юридических терминов славянских языков. // Язык. Право. Общество. – 2020. – С. 313-315.
 15. Hantov V.S., Kananowicz T., Novozenova Z. ”Swój” i ”obcy” w języku, tekście i kulturze. Szkice o uniwersalnej kategorii lingwistyczno-kulturowej. Oblicza lingwistyki w XXI wieku: obiekty, metody, interpretacje. – 2021. – Том 3. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, Gdańsk. S. 314.

МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ

Боримечкова Диана Димова
старший преподаватель Военной
академии
им. Г.С. Раковского
Болгария, г. София
e-mail: borimechkova@gmail.com

Borimechkova Diana Dimova
Senior Lecturer, Rakovski National
Defence College
Bulgaria, Sofia
e-mail: borimechkova@gmail.com

Д. Д. Боримечкова

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ УЧЕБНИКА ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ «РУССКИЙ С СОБОЙ. УРОВЕНЬ А1+»

Аннотация. В данной статье представлены методические принципы создания национально ориентированного учебника русского языка как иностранного для взрослых. Учет потребностей и целей предопределяет содержание обучения и является главным условием эффективности учебных материалов. В качестве примера применения современных принципов разработки учебника, предназначенного для взрослых, рассматриваются цели, содержание и структура нового учебника „Русский с собой. Учебник русского языка для болгар. А1+“.

Ключевые слова: РКИ, уровень А1, учебник, носители болгарского языка, обучение взрослых

D. D. Borimechkova

PRINCIPLES OF CREATING A TEXTBOOK FOR ADULTS “RUSSIAN TO GO. LEVEL A1+”

Abstract: The article deals with the methodical principles of creating a modern textbook of Russian as a foreign language for Bulgarian adults. Consideration of needs and goals determines the content of training and is the main condition for the effectiveness of teaching materials. Aims, content and structure of the new textbook “Russian To Go. Russian for Bulgarians. A1+” are revealed in order to demonstrate the guiding principles of the development of a textbook targeted at adult learners.

Keywords: Russian language, textbook, level A1, Bulgarian speakers, adult learners

Выбор методических принципов для создания современного учебника русского языка опирается на анализ образовательного контекста. Устойчивый интерес к изучению русского языка как иностранного в Болгарии сочетается с наличием следующих объективных тенденций:

1. Русский является одним из востребованных иностранных языков в болгарской системе среднего образования. В последние годы русский язык конкурирует с немецким и испанским в выборе второго иностранного языка, изучение которого в зависимости от конкретного профиля образовательной организации начинается не ранее пятого класса, а в массовом случае – с восьмого или девятого класса. Небольшое общее количество часов на изучение второго иностранного языка в средней школе однако не способствует эффективности преподавания и сказывается отрицательно на формировании необходимых знаний, умений и навыков у учащихся, в том числе на конкретных результатах обучения русскому языку.

2. В некоторых болгарских университетах нефилологического профиля ведутся занятия по русскому языку как иностранному. Обучение характеризуется добровольностью выбора изучаемого языка и малым числом учебных занятий. Популярностью пользуется также курсовое обучение – в зрелом возрасте решение изучать русский язык принимается сознательно и исходя из практических соображений, часто связанных с профессиональной реализацией. Для того, чтобы соответствовать требованиям современной жизни и динамичного рынка труда, взрослому человеку необходимо постоянно повышать свою квалификацию и приобретать новые знания и компетенции, в том числе иноязычные.

3. Преподавание русского языка в Болгарии осуществляется во внеязычной среде и в условиях низкого уровня межкультурной осведомленности. Процесс обучения не только детей в средней школе, но и студентов и взрослых обычно начинается «с нуля» и протекает в среде, в которой нелегко найти возможность применения новых знаний на практике, в реальной ситуации.

4. Большинство учебной литературы по РКИ, доступной в нашей стране, соответствует «Общоевропейским компетенциям владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка»[5],

а также образовательным программам по русскому языку для системы среднего образования и раннего обучения иностранным языкам, утвержденным Министерством образования и науки. Тем не менее наблюдается дефицит современных учебников по РКИ, разработанных для взрослых носителей болгарского языка, не владеющих русским языком.

В данной статье представлены принципы отбора содержания и методические подходы к обучению взрослых русскому языку как иностранному, которые нашли отражение в национально ориентированном учебном пособии «Русский с собой. Уровень А1+», вышедшем из печати в начале этого года. Учебник представляет собой попытку систематической организации учебного материала, достаточного для формирования начальной языковой, коммуникативной и социокультурной компетенции.

Целевая аудитория учебника

Определение ясной цели обучения и конкретного адресата является первым шагом в процессе создания любого образовательного продукта. Цель учебника «Русский с собой» сформулирована следующим образом: во-первых, он предназначен для болгар, приступающих к изучению русского языка, и поэтому учитывает преимущества изучения близкородственного языка, но и характерные трудности, которые испытывают болгары в усвоении русского языка. Во-вторых, учебник адресован взрослым, в число которых в данном случае включаются учащиеся старших классов, студенты университетов и люди, окончившие образование и начавшие профессиональную деятельность в разных областях. В-третьих, учебник рассчитан на 120-140 аудиторных часов и предусмотрен как для нефилологического, так и для курсового профиля обучения [3].

Безусловно, по своему содержанию и методическим подходам обучение взрослых отличается от обучения детей и должно быть прежде всего прагматичным и соответствующим целям и потребностям взрослых учащихся как с точки зрения средств и способов обучения, так и по тематике и отбору изучаемых речевых образцов, сфер и ситуаций общения. Рассматриваемый учебник

русского языка основывается на принципах андрагогики, сформулированных М. Ноулзом, согласно которым обучение должно учитывать самостоятельность и внутреннюю мотивацию взрослого человека, использовать его индивидуальный опыт и знания, содержать актуальный материал, практические и проблемно-ориентированные задания [7].

Тематическое содержание, структура и оформление учебника «Русский с собой» разрабатывались согласно принципам обучения взрослых: подбор лексико-грамматических единиц, формул речевого этикета и коммуникативных тем и ситуаций, а также социокультурной информации и дополнительных заданий соответствует интересам взрослой аудитории.

Содержание учебника

Согласно «Новому словарю методических терминов и понятий» содержанием обучения иностранному языку является «приобретение речевых навыков и умений, обеспечивающих возможность практического пользования языком» [1, с. 282], которое включает в себя знания о системе изучаемого языка, знания о культуре носителей изучаемого языка, речевые навыки и умения, способность пользоваться приобретенными знаниями и сформированными навыками и умениями в различных ситуациях общения, речевой материал в виде текстов, речевых образцов, моделей предложения, в темах и ситуациях общения и т.д.

Знания о системе изучаемого языка можно считать главными на элементарном уровне, когда происходит формирование языковой компетенции учащихся. Языковой материал, включенный в учебник «Русский с собой», полностью соответствует Государственному стандарту по РКИ [4]. Отличительной чертой учебника является превышение указанного в стандарте «лексического минимума», состоящего из 780 единиц [4, с. 16]. Наличие общего алфавита и большого количества общих слов позволяет носителям болгарского языка быстро достигнуть лексикальной компетенции в русском языке, соответствующей уровню А2. Тем не менее усвоение грамматических знаний требует немалых усилий. Взрослые учащиеся нуждаются в обучении, построенном на принципе сознательности и

базирующемся на признании ведущей роли мышления в ходе овладения языком [6]. Поэтому особое внимание в учебнике уделяется формированию грамматической компетенции (на сознательной основе и с опорой на болгарский язык), а также отработке базовых грамматических конструкций в реальных коммуникативных ситуациях. Тщательно, последовательно и доступно представлены те явления русской грамматики, которые вызывают самые большие затруднения: предложно-падежная система русского языка имен существительных и личных местоимений с акцентом на синтаксические значения падежей; род имен существительных, оканчивающихся на -ь и расхождения в роде общих для болгарского и русского языка слов; образование множественного числа; инфинитив глагола; специфические конструкции принадлежности; предлоги; глаголы движения и пр.

Упражнения на развитие всех видов речевой деятельности включены в состав каждого урока. Количество упражнений на аудирование и письмо может показаться недостаточным, но причиной этого решения является компактный размер книги и ограниченный объем аудиторных занятий курсового профиля обучения, в рамках которого разработано содержание данного учебника.

К преимуществам рассматриваемого учебного пособия на наш взгляд можно отнести элементы социокультурной компетенции, интегрированные в учебное содержание. Учебные тексты, задания на дополнительное чтение, иллюстрации и даже грамматические упражнения насыщены лингвострановедческими фактами, сведениями о российской культуре и традициях, прецедентными фразами и несложными фразеологизмами, предназначенными для ознакомления учащихся с культурой носителей изучаемого языка и, в конечном счете, направленными на формирование межкультурной и социокультурной компетенции.

Активное использование игровых заданий считается обязательным компонентом методической системы иноязычного обучения [2, с. 73]. В данном учебнике, предназначенном для взрослых, средства геймификации создают необходимый баланс между сознательными усилиями учащихся, направленными на

усвоение нового языкового материала, и формированием коммуникативных умений. Адекватное визуальное оформление, игровые элементы и коммуникативно-практические задания использованы как средства повышения эффективности обучения, а также мотивации учащихся.

Структура учебника

Учебник «Русский с собой» состоит из 15 уроков-разделов, каждый из которых содержит несколько модулей. Данная организация материала облегчает составление учебной программы и поурочных планов и позволяет моделировать содержание, а иногда и порядок компонентов в зависимости от интенсивности обучения или индивидуальной специфики конкретной группы или ученика.

Каждый урок-раздел объединен общей коммуникативной темой, соответствующей тематическому охвату элементарного уровня общего владения русским языком (A1 по CEFR), а также потребностям и интересам целевой аудитории. В таблице 1 представлены названия уроков с входящими в их состав грамматическими модулями и лексическими темами.

Таблица 1.

Название урока	Грамматические модули	Лексика
Урок 1: <i>Что это? Кто это?</i>	Именительный падеж. Род имен существительных. Личные местоимения.	<i>Приветствия. Предметы быта. Профессии, национальности.</i>
Урок 2: <i>Мы уже говорим по-русски</i>	Притяжательные местоимения. Глаголы: инфинитив, спряжение. Наречия	<i>Семья.</i>
Урок 3: <i>Сумки, чемоданы, рюкзаки</i>	Притяжательная конструкция «у меня есть». Множественное число существительных	<i>Личные вещи.</i>
Урок 4: <i>Русский или российский?</i>	Количественные числительные 1-20. Прилагательные имена.	<i>Заполнение анкеты. Символы и сувениры.</i>
Урок 5: <i>В городе на Неве</i>	Предложный падеж (место). Предлоги <i>в</i> и <i>на</i> . Косвенная реч.	<i>Ориентация в городе. Описание места. Санкт Петербург</i>

Урок 6: <i>В детстве я жил в Москве</i>	Предложный падеж (тема). Предлог <i>о</i> . Окончания множественного числа в предложном падеже. Прошедшее время.	<i>Квартира, дом. Рассказ в прошедшем времени.</i>
Урок 7: <i>Русские любят Болгарию</i>	Винительный падеж (прямое дополнение). Неодушевленные и одушевленные объекты. Личные местоимения в винительном падеже.	<i>Ресторан, магазин, рынок. Еда и напитки</i>
Урок 8: <i>Климат и погода</i>	Количественные числительные 20-100. Глаголы с наставкой <i>-ва-</i> . Возвратные глаголы. Наречия времени.	<i>Распорядок дня. Месяцы, времена года, климат. Одежда.</i>
Урок 9: <i>Он идет на рыбалку</i>	Глаголы движения с винительным падежом. Прошедшее время глаголов движения.	<i>Поездка. Транспортные средства.</i>
Урок 10: <i>В понедельник я поеду в Москву!</i>	Порядковые числительные имена. Винительный и предложный падеж (время). Будущее (сложное) время.	<i>Дни недели. План. Рассказ в будущем времени.</i>
Урок 11: <i>Столица России</i>	Родительный падеж единственное число. Принадлежность, отрицание, предлоги <i>у, без, для</i> . Личные местоимения.	<i>Достопримечательности. Туризм. Запреты. Стереотипы. Москва.</i>
Урок 12: <i>Далеко от города</i>	Пространственные предлоги с родительным падежом. Вид глагола. Родительный падеж количества.	<i>Откуда вы? Описание поездки и места. Цены. Покупки.</i>
Урок 13: <i>Десять тысяч километров</i>	Родительный падеж множественное число. Наречия. Числительные имена от 100 и выше.	<i>География России. Количества и единицы измерения.</i>
Урок 14: <i>Давай</i>	Дательный падеж -	<i>Возраст. Семейное</i>

<i>поженимся!</i>	единственное и множественное число, личные местоимения. Косвенное дополнение. Дательные конструкции. Предлог к. Императив.	<i>положение. Части тела. Описание внешнего вида и физического состояния.</i>
Урок 15: <i>С праздником!</i>	Творительный падеж - единственное и множественное число, предлог с, личные местоимения. Глаголы с творительным падежом.	<i>Космос. Свободное время и хобби. Праздники.</i>

Грамматический материал, разработанный на фоне соответствующих коммуникативных тем, соответствует определенному для уровня А1 объему [4]. Учащиеся получают представление о полной картине падежей, существующих в русском языке, и о их фундаментальных функциях. Такой подход представляется особенно удачным при работе с взрослыми, которые с самого начала обучения сопоставляют языковые явления и стремятся анализировать грамматический строй русского языка. В данном учебнике грамматическая прогрессия выстроена в оптимальной последовательности и сочетается с достаточным количеством лексических, грамматических и речевых упражнений на отработку нового материала, на стимулирование устной речевой продукции и непосредственную активизацию новых знаний в устную и письменную речь.

Кроме перечисленных уроков в состав учебного пособия «Русский с собой» входят: обособленный раздел «Приложения», содержащий важную дополнительную информацию в виде наглядных таблиц, схем и разъяснительных текстов; дополнительная вкладка «Ключ к учебнику и аудиоприложения»; аудиозаписи для прослушивания по QR-коду.

Структура урока

Каждый из 15 уроков-разделов обладает симметричной структурой, включающей краткое содержание урока с вводным практическим или игровым упражнением; учебный текст или диалог

с заданиями; от 3 до 5 грамматических или лексико-грамматических модулей; коммуникативное задание, задание на дополнительное чтение или просмотр или раздел «Интересно знать», содержащий социокультурную информацию.

В состав грамматического модуля входят:

- заголовок и иллюстративные языковые образцы;
- таблица, представляющая новую грамматическую категорию (окончания, словоформы);
- ссылка к разделу «Приложения», где размещены дополнительные пояснения и доступные комментарии к новому грамматическому материалу на болгарском языке;
- упражнения: грамматические, лексические, речевые, расположенные в соответствующей последовательности – от образования правильной словоформы до употребления ее в предложении. Кроме классических типов заданий (работа по модели, выбор, замещение, распределение, соединение, трансформация и т.д.) в учебнике использованы альтернативные упражнения на основе аудиоматериалов, иллюстраций, игровых технологий (кроссворд, облако слов, ребус и пр.), а также проблемно-ориентированные задания (веб-квесты; комбинированные упражнения на развитие нескольких видов речевой деятельности и др.).

Заключение

Учебник русского языка для болгар «Русский с собой. Уровень А1+» представляет собой (скромный) пример современного национально ориентированного пособия. Учебник отличается модульной структурой и системной подачей учебного содержания, соответствующего уровню А1+. Он построен на основе деятельностно-коммуникативной методики и ориентирован на четко определенную целевую аудиторию. В отборе тематического содержания, в организации и порядке предъявления грамматического материала и в разработке заданий и упражнений соблюдались принципы обучения взрослых и учитывались современные требования к содержанию и оформлению учебных материалов.

Библиографический список

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам), М.: Изд. ИКАР, 2009.
2. Бирова, И. Л. Игра в обучении русскому языку как иностранному. М: НИЦ “Еврошкола“, 2017.
3. Боримечкова, Д. Русский с собой. Учебник по руски език за българи. А1+. – София: Артграф, 2022.
4. Владимирова, Т. Е. и др. Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. М: СПб. “Златоуст”, 2001.
5. Общевропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, преподавание, оценка (CEFR). Страсбург; Режим доступа: <https://rm.coe.int/common-european-framework-of-reference-for-languages-learning-teaching/16809ea0d4> (дата обращения 23.12.2022)
6. Щукин А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного. М. : ФЛИНТА, 2017.
7. Knowles M.S., Holton III E.F., Swanson R.A. The Adult Learner: The Definitive Classic in Adult Education and Human Resource Development. Routledge, 2014.

ХРОНИКА

ИЗ ЖИЗНИ РУСИСТОВ СОФИИ

Софийское отделение Общества русистов Болгарии организовало 17 ноября 2022 г. встречу, посвященную книжным новинкам в области преподавания русского языка. В 124-ой аудитории Софийского университета, в академической, но и достаточно непринужденной атмосфере, произошло обсуждение двух новых книг софийских русистов в этой области. Вниманию членов и друзей Общества, а также студентов отделения русской филологии Софийского университета были представлены:

- монография доц. д-ра Илки Бировой, преподавателя кафедры русского языка Софийского университета *«Играта като образователен феномен в чуждоезиковото обучение»*. София: Издателство на СУ „Св. Климент Охридски“, 2021. – 293 с.¹;
- учебник русского языка ст. преподавателя Военной академии им. Г.С. Раковского Дианы Боримечковой *«Русский с*

¹См. рец.: Ж. Илиева. За играта като феномен в чуждоезиковото обучение // Чуждоезиково обучение. – 2022. – N 1. – С. 94-96.

собой. Учебник по руски език за българи. А 1+» . София: Артграф, 2022. – 161 с.¹.

Монография И. Бировой представляет собой второе, дополненное издание опубликованного в России исследования того же автора «Игра в обучении русскому языку как иностранному. Исследование игры как образовательного феномена» (Москва: Еврошкола, 2017. – 272 с.)². Книга является первым комплексным изучением роли игры в обучении иностранному языку. В своей презентации автор представил содержание монографии, убедительно доказывая, что игра – необходимый компонент современного преподавания иностранного языка независимо от возраста учащихся, используемый наряду с традиционными методами обучения. Доц. Бирова показала также слайды, иллюстрирующие игровые занятия по русскому языку в разных возрастных группах. Доц. Цв. Ралева озвучила Предисловие ко второму изданию монографии, написанное

¹См. рец.: И. Бирова. Боримечкова Д. Учебник по руски език за българи. София, Артграф, 2022 // Русистика без граници. – 2022. – Кн. 1. – С. 133-135; В. Георгиева. Нов учебник по руски език за начинаещи (ниво А 1+) // Чуждоезиково обучение. – 2022. – N 2 (Т. 49). – С. 194-198;

²См. рец.: Д.Веселинов. Играта като лингвометодически феномен // Филология. – 2018. – N 33. – С. 105-108; А.Радкова. Изследване на играта като образователен феномен // Чуждоезиково обучение. – 2018. – N 1. – С. 102-103; Д.Лесневска. И.Бирова.«Игра в обучении русскому языку как иностранному. Исследование игры как образовательного феномена» // Болгарская русистика. – 2018. – N1. – С. 95-98; Г.Шамонина. Глубокий смысл игры.И. Бирова. Игра в обучении русскому как иностранному (исследование игры как образовательного феномена). Москва: НИЦ «Еврошкола». 2017. – 276 с. // Съпоставително езикознание. – 2018. – N3. – С. 139-141.

проф. д.ф.н. Д. Веселиновым (Софийский университет, Факультет классических и новых филологий, кафедра методики преподавания иностранных языков), который, к сожалению, не смог лично присутствовать на презентации. Проф. Веселинов дает монографии высокую оценку, характеризуя ее как «новаторский и актуальный труд в русле геймификации – одной из ведущих тенденции в современном образовательном контексте» (с. 13). Присутствующие на встрече студенты I-го курса русской филологии СУ подкрепили своими личными впечатлениями мнение об эффективности описанных в монографии и применяемых в преподавании русского языка доц. Бировой игровых методов и определили работу своего преподавателя как новаторскую, оригинальную, очень интересную.

Естественным образом обсуждение монографии слилось с презентацией учебника русского языка Д. Боримечковой, поскольку коллега Боримечкова является сторонником игрового подхода в преподавании иностранных языков и, по ее собственным словам, учебник создан под влиянием публикаций И. Бировой. Учебник предназначен для болгар, начинающих изучение языка с нуля. Он рассчитан на 120 часов и на достижение уровня *A 1+*. В своей презентации Д. Боримечкова рассказала о процессе создания учебника и об основных принципах его разработки, продемонстрировала несколько уроков с элементами геймификации. Коллега была очень взволнована возможностью представить свой учебник именно в Софийском университете, выпускником которого она является. С очень положительной рецензией на учебник выступила доц. И. Бирова, подчеркнув среди прочих его достоинств

постепенную и продуманную подачу нового материала, присутствие страноведческой информации в нем, прекрасное полиграфическое оформление и т.д. Удовлетворение от работы с учебником выразила Ангелина Радева, преподаватель русского языка в Техническом университете в Софии. По ее мнению, учебник можно успешно использовать в нефилологических вузах, тем более что в учебных планах многих специальностей предусмотрено изучение иностранного языка как раз в объеме 120 часов. Все присутствующие могли получить бесплатный экземпляр учебника, за что мы все очень признательны Д. Боримечковой!

Присутствующие члены Общества русистов и их гости могли познакомиться и с некоторыми другими изданиями болгарских русистов последних лет, чьи авторы любезно предоставили экземпляры для рассмотрения – монографии в области русской морфологии и лексикографии, новейший русско-болгарский фразеологический словарь¹. Коллеги выразили желание сделать традиционным презентацию актуальной болгарской научной и методической литературы в области русистики.

¹Шулежкова С.Г., Чурилина Л.Н., Чернова О.Е., Георгиева С.И., Осипова А.А., Михин А.Н., Позднякова Н.В., Новиков Д.А., Миланова Е.Д. Русско-болгарский словарь фразеологических неологизмов конца XX – начала XXI века. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, 2021. – 457 с.

ПЕРСОНАЛИИ

Касьянова Вера Михайловна
кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова
Россия, г. Москва
e-mail: vkasianova@mail.ru

Kasyanova Vera Mikhailovna
Associate Professor, PhD
inPhilology
Lomonosov Moscow
State University
Russia, Moscow
e-mail: vkasianova@mail.ru

В.М. Касьянова
**УЧИТЕЛЬ УЧИТЕЛЕЙ: КНИГИ Н.М.ШАНСКОГО
ДЛЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА
(К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

Аннотация. Статья посвящена 100-летию со дня рождения известного российского языковеда академика Н.М. Шанского и его роли в создании научно-популярной литературы по лингвистике, адресованной учителям-словесникам. Показаны методические принципы, лежащие в основе таких книг, как «В мире слов», «Лингвистические детективы», «Слова, рожденные Октябрем», «Художественный текст под лингвистическим микроскопом» и др. Охарактеризована форма изложения материала, подчеркнуты большие дидактические возможности данных пособий в плане формирования интереса школьников к русскому языку и его истории.

Ключевые слова: русский язык, методика преподавания русского языка, лингводидактика, этимология, фразеология, словообразование, лингвистический анализ текста.

V.M. Kasyanova
**TEACHER OF TEACHERS: BOOKS BY N.M.SHANSKY
FOR TEACHERS OF THE RUSSIAN LANGUAGE
(FOR THE 100TH ANNIVERSARY OF HIS BIRTH)**

Abstract. The article is devoted to the 100th anniversary of the birth of the famous Russian linguist academician N.M. Shansky and his role in the creation of popular science literature on linguistics addressed to teachers of literature. The methodological principles underlying such books as "In the World of Words", "Linguistic detectives", "Words born in October", "Literary text under a linguistic microscope", etc. are shown.

The form of presentation of the material is characterized, the great didactic possibilities of these manuals in terms of the formation of students' interest in the Russian language and its history are emphasized.

Keywords: Russian language, methods of teaching the Russian language, linguodidactics, etymology, phraseology, word formation, linguistic analysis of the text.

Николай Максимович Шанский (1922–2022) – известнейший российский лингвист, специалист по лексике, фразеологии, словообразованию, этимологии, языку художественной литературы, лингводидактике и методике преподавания русскому языку. На учебниках, автором которых является Н.М. Шанский («Очерки по русскому словообразованию» [1], «Фразеология современного русского языка»[2], «Лексикология современного русского языка»[3], «Лексика современного русского языка»[4]) выросли современные лингвисты, именно эти книги стали настольными для нескольких поколений студентов-филологов.

Имя Николая Максимовича Шанского хорошо известно практически всем словесникам. Более 40 лет (с 1963 по 2005 г.) он был главным редактором журнала «Русский язык в школе». Тысячи писем ежемесячно приходили в журнал, и ответы на многочисленные вопросы стали основой для пособий, адресованных учителям и отражающих богатство русского языка, «живого как жизнь», по меткому выражению Н.В. Гоголя.

Удивительны названия книг Н.М. Шанского: «*В мире слов*»[5], «*Лингвистические детективы*»[6], «*Слова, рожденные Октябрем*»[7], «*Этот загадочный «Евгений Онегин»*»[8], «*Художественный текст под лингвистическим микроскопом*»[9] – в них в полной мере проявился талант ученого-популяризатора: внимание читателя привлекает метафоричность наименования, включенные в него эпитетов и необычных словосочетаний. Но не менее интересны и наименования разделов и глав, также отражающих мастерство влюбленного в язык филолога: *Анатомия слов // Родословная слов // В этимологических дебрях // Языковые «шумы» и «помехи // Коварные слова и обороты* и т.д.

Каждая книга представляет собой сборник лингвистических заметок – небольших (от половины до полутора страниц) эссе, рассказывающих об одном или нескольких взаимосвязанных

языковых явлениях. Читать пособия можно начиная с любой из заметок, выбирая наиболее занимательное название.

История появления слов в русском языке преподносится Н.М. Шанским живо и эмоционально. Его книги насыщены самыми разнообразными и необычными примерами. Но – поразительно! – *«...серия совершенно самостоятельных очерков, маленьких лингвистических новелл»* образует единое пособие, где *«поднимаются некоторые – очень важные вопросы теории современного и исторического словообразования, разбора слова по составу, этимологии, фразеологии и семантики, правильного чтения и лингвистического анализа художественных произведений»*[5:4]. *«Путем анализа отдельно взятых и индивидуальных фактов»*[5:4] автор подводит читателя, прежде всего учителя-словесника, к важнейшим теоретическим проблемам.

Книги Н.М. Шанского раскрывают удивительный мир слова – показывают, как и когда оно возникает, из чего состоит, как изменяется его значение и употребление в течение времени. Одна из интереснейших страниц языкознания – **ЭТИМОЛОГИЯ**: каждому хочется узнать «биографию» слова, проникнуть в тайну его рождения. Автор сам увлечен «удивительным и многоцветным миром слов»[5:3] и умеет передать свою увлеченность читателям. *«Слова, слова, слова»*–эпиграф к книге *«В мире слов»* [5] – как нельзя лучше раскрывает ее содержание. Н.М. Шанский останавливается на самых, казалось бы, обычных словах, которые мы произносим каждый день, даже не подозревая, насколько увлекательна история их появления в языке: *Трещотка и щетка // Заинька и паинька // Стоп и штопор // Расчеты и подсчеты* и др. Читатель с изумлением узнает о том, что *сладкий* и *солёный* имеют общего прародителя, *За что говядина называется говядиной*, родственны ли *ерунда* и *чепуха*, *Почему прачку назвали прачкой?* // *Что общего между словами капитан и капуста?* // *Почему луну назвали месяцем.*

Н.М. Шанский разбирает много междометий: *Спасибо и пожалуйста // Опять и обратно // Баю-бай // Бис и Bravo // // Ура // Здравствуй // Брр! Мороз // Адьо, прощай и до свиданья* и т.д. Как

жаль, что мы часто не обращаем внимания на эти коротенькие слова, хотя используем их очень часто!

Занимательными историями о значении, строении и происхождении слов, оборотов и «трудных строк» из произведений русской классики насыщена книга *«Лингвистические детективы»* [6]. Почему детективы? Да потому что история многих слов весьма неожиданна, о чем говорят и названия глав: *О «вине» винительного падежа // Ключ к слову эксклюзивный // Происходит ли существительное врач от глагола врать // Чудесные превращения слова каждый // Родословная дворяжки // Когда и как появились грамматические термины склонение и наклонение и т.д.* А фразеология? Насколько обеднел бы язык, лишись всех устойчивых словосочетаний! Н.М. Шанский подробно и увлекательно рассказывает об истории самых известных русских фразеологизмов: *Быть немым как рыба и реветь белугой. // Во весь опор.// Глухая тетеря // Заварить и расхлебывать кашу.// Крокодиловы слезы // Мурашки забегали // На кудыкину гору // Намылить голову и задать головомойку // Семь пятниц на неделе.// Собаку съел // Филькина грамота* и т.д. Автор приоткрывает для читателя страницы истории, позволяет ему почувствовать нерасторжимую духовную связь с предками.

На глазах «оживает» одна из самых трудных тем для учащихся – морфемный и словообразовательный анализ слова. Интереснейший иллюстративный материал помогает преподавателю и учащемуся по-новому взглянуть на знакомые слова, научиться видеть в них то, чего раньше не замечали (многие ли могут с ходу объяснить, *Какой корень в слове сердитый или Что это за такая приставка тре-?*). Н.М. Шанский подводит читателя к мысли, что разбор слова по составу и словообразовательный разбор – разные вещи. Вот какие новеллы предлагаются для осмысления различия между этими видами разбора: *Анатомия слова принять // Где кончается основа слова и начинается окончание // Где корень в слове где? // Где корень в слове корень? // Глагольные близнецы – одеть и надеть. // Об окончаниях и суффиксах в словах вечером и дома. // Почему слово подлинный пишется с двумя -н-? // Что такое -ч в слове стричь? и т.д.*

Книга *«Слова, рожденные Октябрем»* [7] рассказывает об изменении языка в советскую эпоху: с данным историческим периодом, как бы ни относились к причинам и итогам Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года, связано появление не только советизмов (*чекист, колхоз, ударник, пятилетка*), но слов, без которых немыслима жизнь современного человека: *космонавт, космодром, луноход, спартакиада, телевидение, атомоход, самбо, универсам, спутник, пылесос* и др.

Талант Николая Максимовича Шанского проявился и в его умении выбрать нужный стиль: научную книгу надо уметь писать так, чтобы и неспециалист мог понять ее – эти слова любил повторять Николай Максимович на встречах с аспирантами. Он предостерегал от псевдонаучной манеры изложения, иронически отзывался о книгах, перенасыщенных терминами, и подчеркивал: настоящий ученый должен уметь объяснить любое явление так, чтобы оно не только стало понятно, но и вызвало желание продолжить чтение. В названных книгах автор раскрывает сложные научные истины простым и доступным языком. Стиль изложения свободен и непринужден, что привлекает внимание и тех, кто в школьные годы неприязненно относился к русскому языку, видя в нем только набор правил и исключений. Даже термины (обойтись без них невозможно!) всегда объясняются настолько четко и лаконично, что и неподготовленный читатель не испытывает затруднений в их понимании. Вместе с тем книги Н.М. Шанского характеризуются строгим научным подходом к излагаемым фактам, поэтому могут использоваться в качестве справочников по некоторым вопросам русского языка.

Вряд ли учитель-русист сможет разработать настоящий урок без обращения к словарям. Поэтому с таким вниманием относился Н.М. Шанский к их составлению. Нельзя не вспомнить выдержавшие проверку временем «Краткий этимологический словарь русского языка» [10], «Фразеологический словарь русского языка» [11], «Опыт этимологического словаря русской фразеологии» [12], «700 фразеологических оборотов русского языка» [13] и многие другие. И очень важно, что за словарем для «взрослых» – учителей и специалистов – незамедлительно следует словарь для школьников:

«Школьный этимологический словарь русского языка» [14], «Школьный фразеологический словарь русского языка: Значение и происхождение словосочетаний» [15], «Учебный фразеологический словарь» [16]. В этом тоже проявился высочайший талант Николая Максимовича Шанского как лингвиста и лингводидакта!

Вспомним слова поэта Е. Винокурова: «Художник! Воспитавай ученика, чтоб было у кого потом учиться!» [17]. Книжки Н.М. Шанского, которого можно назвать художником слова, помогают учителю провести школьника по неведомым ему пока лингвистическим тропинкам: именно в 11-14 лет тяга к познанию происхождения слова очень сильна, и нужно развивать ее всеми силами.

В книгах Н.М. Шанского «В мире слов» и «Лингвистические детективы» учитель-словесник найдет много нового материала, который поможет «оживить» скучные правила, повысит интерес учащихся к русскому языку. *Про О в слове киномеханик и Е в слове кинематография. // Размышления о том, почему мы пишем месиво, но вариво? // «Почему в слове лестница пишется буква Т?» // «Можно ли доказать, что в слове топор надо писать О, а не А?», «Почему в слове корова надо писать О, а не А?» и т.д. Такие загадки и ответы на них делают уроки русского языка ярче, повышая грамотность учащихся.*

Пособия Н.М. Шанского популярны среди учителей русского языка и литературы прежде всего потому, что открывают тайны чудесного мира русского слова во всем его богатстве и многообразии, помогают оценить неповторимое богатство русского языка. Но важно и другое: эти книжки с интересом прочитают также учителя географии (далеко не все, например, знают, почему *Волга* называется *Волгой* и что объединяет названия *Владимир* и *Познань*), астрономии (чем различаются *Луна* и *Селена*), биологии (*почему появились слова яблоко и яблоня*) – налицо метапредметный подход к изложению материала, ставший очень востребованным в последние десятилетия.

Автор – доктор филологических наук, академик – с безмерным уважением относился к труду обычного учителя: в конце книг часто есть маленький словарик, помогающий при необходимости

вспомнить то или иное «ученое» слово, и алфавитный список объясняемых слов и выражений. Специальные обобщающие главы, например «Как же все-таки образуются сейчас новые слова» и «Как разбирать слова по составу», очень полезны: в них не только излагается необходимая теоретическая информация, но и даются самые разные примеры с подробным их разбором.

Важной частью пособий Н.М. Шанского для учителей-словесников являются задания для самостоятельной работы учащихся (обычно это различного рода занимательные задачки). Например, под рубрикой «Решите сами» раскрываются особенности значений частей слова (приставки, корня, суффикса и окончания), а в конце приводятся ответы (и это тоже показывает, насколько внимательно относился ученый к школьным учителям, насколько берег он их время, делая всё, чтобы оптимизировать подачу материала).

Не каждому ученому выпадает удача стать автором научного термина. В 1969 г. Н.М. Шанским был введен термин *лингводидактика*, который с 1975 г. признан МАПРЯЛ в качестве международного. С этого времени началась работа по описанию языка в учебных целях: исследование сходства и различия языков, анализ содержания и структуры изучаемого языка, составление языковых минимумов в целях обучения.

Книга *«Русское языкознание и лингводидактика»* [18] – одно из таких пособий для учителей, желающих разобраться в хитро сплетениях методики; даже названия глав: *Методика преподавания русского языка в национальной школе: достижения и проблемы // Содержание и структура школьного учебника русского языка в национальной школе // Сопоставление как один из приемов обучения русскому языку нерусских* и др. – доказывают, что идеи Н.М. Шанского не устарели и в наше время.

Несколько книг Н.М. Шанского посвящены лингвистическому анализу художественных произведений русской литературы XIX-XX веков. Это *«Художественный текст под лингвистическим микроскопом»* [19], *«Лингвистический анализ художественного текста»* [20], *«Лингвистический анализ стихотворного текста»* [21]. Именно Николай Максимович Шанский обосновал термин

филологический анализ художественного текста: без правильно организованной работы над языком и стилем русских классиков невозможно понять, что именно хотел показать автор. Метод филологического анализа текста основан на овладении навыками «замедленного» чтения (термин Н.М. Шанского), которые столь важны в наше время поголовного увлечения гаджетами.

Понимая, что русский язык и русская литература неразрывно связаны, представляя собой удивительный феномен русской словесности, автор обращается к самым глубинам мира художественной литературы. Лингвистические комментарии Н.М. Шанского к произведениям позволяют точнее и глубже осмыслить намерения писателя и поэта. По убеждению ученого, *«художественная речь ... одновременно и объединяет писателя и читателя, и разъединяет, затрудняя понимать произведение как надлежит»* [19:4]. Именно поэтому Н.М. Шанский в доступной и занимательной форме рассказывает о разнообразных трудностях, «языковых помехах», с которыми приходится сталкиваться при чтении художественных произведений. Лингвистический комментарий «трудных строк» помогает читателю правильно и точно понять тексты различных русских и советских писателей и поэтов: Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Есенина, Твардовского, Маяковского и др. Мы с удивлением узнаем: оказывается, многие слова, употребляемые тем же Пушкиным, изменили и свое звучание, и свое значение. *Бутылка кислых щей // Грозный суд или грозный судия? // Какой позор? // Мирные глаголы // Светоч, да не тот* и др. – как всегда в книгах Н.М. Шанского, названия глав звучат настолько привлекательно, что хочется сразу же приступить к чтению!

Обучение филологическому анализу художественного текста рассматривается как важнейшая задача, стоящая перед учителями-словесниками: «замедленное» чтение и лингвистически грамотный комментарий способствует расширению сознания школьников, их нравственному становлению и духовному росту.

Пособие «Лингвистический анализ стихотворного текста» начинается с обращения к читателям, в котором звучит легкая грусть: «Настоящая книга адресуется всем, кто пока еще читает и любит стихи наших волею Божией «многих и разных» поэтов» [21: 3]. Н.М.

Шанский демонстрирует уникальные дидактические возможности стихотворного текста как «прекрасного языкового пространства для обучения школьников законам текстообразования» [21:3]: поэтический текст помогает формированию у учащихся «не только правильного, но и хорошего словоупотребления, включающего использование вариативных и грамматических и фонетических форм слова» [21:4]. Именно филологический анализ художественного текста помогает созданию положительной мотивации к изучению русского языка, позволяет сделать курс русской словесности интересным, занимательным.

Устаревшие слова и обороты, поэтическая символика, перифразы, диалектизмы, семантические и лексические окказионализмы, особенности словообразования и сочетаемости, устаревшие или ненормативные факты в области фонетики, морфологии и синтаксиса – вот с чем знакомит нас Николай Максимович Шанский, показывая глубины авторской мысли в стихотворениях русских классиков. И опять нельзя не удивиться мастерству ученого давать яркие и образные названия лингвистическим эссе: *Вдохновенный язык «Вдохновения» А.А. Дельвига // Гармония стиха А.Н. Майкова // Трудные строки лирики С. Есенина* и др.

Учитель-словесник видит, как важно овладеть умением лингвистического анализа текста. Например, в романе «Война и мира» Л.Н. Толстого мы читаем: *Тот пошлый разговор, который необходим был людям...* Неужели Л.Н. Толстой признавал необходимость пошлого разговора между людьми? Конечно, нет. Дело в том, что слово *пошлый*, имеющее в современном русском языке значение ‘низкопробный, тривиальный’, употреблялось великим писателем в старом значении, в качестве синонима к прилагательному *обычный*.

Только вдумчивое, замедленное чтение художественного текста, в совокупности с его лингвистическим комментарием помогают проникнуть в тайну литературного произведения, приобщиться к неповторимому миру писателя и поэта.

Доктор филологических наук, профессор, академик, автор более двухсот научных трудов, Николай Максимович Шанский писал

стихи, но об этом знали только самые близкие. И в некоторых строчках как нельзя лучше отразились его отношение и к жизни, и к своей профессии:

*Пусть не кружится в славе голова,
Не надо слишком многого желать:
Сказать спешите добрые слова,
Спешите делать добрые дела.*

В этих, казалось бы, простых строчках заключена глубокая человеческая мудрость. Каждый человек должен спешить делать добрые дела. Добрые дела Николая Максимовича Шанского – это прежде всего его книги, которые вводят читателя в удивительный мир русского слова и русской литературы. И хочется верить, что эти книги еще долгие-долгие годы будут востребованы учителями-словесниками, ведущими новые поколения школьников по пути познания языка.

Библиографический список

1. Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. – 312 с.
2. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка: Учеб. пособие для студ. филол. фак-тов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1969. – 232 с.
3. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка: Учеб. пособие для пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.». – Изд. 2-е, испр. – М.: Просвещение, 1972. – 328 с.
4. Шанский Н. М. Русский язык: Лексика. Словообразование: Пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1975. – 240 с.
5. Шанский Н.М. В мире слов: Книга для учителя. Изд. 3-е, испр. и доп. М., 1985. – 256 с.
6. Шанский Н.М. Лингвистические детективы. М., 2002. – 528 с.
7. Шанский Н.М. Слова, рождённые Октябрём: Книга для учащихся. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1987 – 128 с.
8. Этот загадочный «Евгений Онегин...»: (Комментарий, уроки, олимпиада) / Н.М.Шанский, Б.И. Турьянская. - М.: Пед. общ-во России. Моск. отд. - 2001. - 223 с. - (Портфель словесника).

9. Шанский Н.М. Художественный текст под лингвистическим микроскопом: Кн. для внекл. чтения учащихся 8–10-х кл. сред. шк. М., 1986. – 160 с.
10. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1975. – 544 с.
11. Быстрова Е.А., Шанский Н.М. Фразеологический словарь русского языка: Около 1500 фразеологизмов. М., 2007. – 384 с.
12. Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В. Опыт этимологического словаря русской фразеологии. М., 1987. – 240 с.
13. Шанский Н.М. 700 фразеологических оборотов русского языка: для говорящих на монгольском языке / Н. М. Шанский [и др.]. М., 1980. – 155 с.
14. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка: Происхождение слов. М., 2003. – 400 с.
15. Шанский Н.М., Филиппов А.А., Зимин В.И. Школьный фразеологический словарь русского языка: Значение и происхождение словосочетаний. М., 1997. – 368 с.
16. Быстрова Е.А., Окунева А.П., Шанский Н.М. Учебный фразеологический словарь. М., 1997. - 304 с.
17. ЕВинокуров Е. Художник! Воспитай ученика, чтоб было у кого потом учиться!.. Цит. по <https://rupoem.ru/vinokurov/xudozhnik-vospitaj-uchenika.aspx>
18. Шанский Н.М. Русское языкознание и лингводидактика. М., 1985. – 240 с.
19. Шанский Н.М. Художественный текст под лингвистическим микроскопом: Кн. для внекл. чтения учащихся 8 –10-х кл. сред. шк. М., 1986.
20. Шанский Н.М. Лингвистический анализ художественного текста: Учеб. пособие для студ. пед. ин-тов. Изд. 2-е, дораб. Л., 1990.
21. Шанский Н.М. Лингвистический анализ стихотворного текста: Книга для учителя. М., 2002. – 224 с.

ЮБИЛЕИ

Дамян Петков Митев
Доцент
Доктор на филологическите науки
на 80 години

Роден е на 25.06.1942 г. в гр. Глоджево, област Русе в семейството на пощенски служител. Средното си образование получава във Втора гимназия „Васил Левски” – гр. Разград (1956 – 1960). Служи в Българската народна армия (1960 – 1962), където завършва Школа за запасни офицери при ВНАУ – гр. Шумен.

През 1963 г. е приет в първия випуск на ВТУ „Св. св. Кирил и Методий“, дипломира се през 1967 г. със специалност Руска филология и втора специалност Българска филология. Учи в редовна аспирантура по Съвременен руски език под ръководството на проф. Г.А. Тагамлица в същия университет (1968 -1971).

Научно-преподавателската си работа започва през пролетта на 1971 г. в НВУ „Васил Левски“ гр. Велико Търново. Есента на 1973 г. постъпва на работа като асистент по Съвременен руски език в Шуменския университет „Епископ Константин Преславски“, където е открита специалност Руска филология. През 1983 г. защитава дисертация пред Специализирания съвет по езикознание към ВАК и получава научната степен „Кандидат на филологическите науки“ („Доктор по филология“).

Избран е за доцент през декември 1986 г. Заема изборни ръководни длъжности: заместник-декан и и.д. декан на Филологическия факултет (1987 – 1991), заместник-ректор по учебната дейност (1994 – 1995), заместник-декан по научната дейност на Факултета по хуманитарни науки (2004 – 2007).

През м. януари 2009 г. защитава дисертация пред Специализирания научен съвет по славянско езикознание към ВАК и получава научната степен „Доктор на филологическите науки“.

От есента на 2009 до лятото на 2015 г. е хоноруван преподавател във Великотърновския университет „Св.св. Кирил и Методий“

Специализирал е в Москва – МГУ, Прага – Карлов университет; бил е на обмяна на опит в Полша – Висша школа педагогична в гр. Келце и гр. Краков.

Чел е лекционни курсове по учебните дисциплини: Съвременен руски език – словообразуване, морфология; Съвременен руски език – фонетика, лексикология; Съпоставителна граматика на руския и българския език и лекции по задължително избираеми дисциплини: Езикова номинация; Словообразователна семантика.

Дългогодишен член е на Съюза на учените в България и на Дружеството на русистите в България.

Доц. Д. Митев участва в десетки научни конференции и симпозиуми – международни, републикански, университетски.

Научните интереси на доц. д.ф.н. Дамян Митев са в областите: Словообразуване; Морфология; Съпоставителна граматика на славянските езици; Семантика на езиковите единици; Теория на номинацията.

Като преподавател и изследовател той има публикувани 13 книги - монографии, учебници, учебни помагала (част от тях - в съавторство с колеги) и повече от 100 научни студии, статии, доклади и обзори.

Информация за публикуваните от доц. д.ф.н. Дамян Митев трудове може да се намери в посочените био-библиографски издания.

- Био-библиография 1971-1996. Шуменски университет "Епископ Константин Преславски". Факултет по българска филология, история

и богословие, Факултет по чужди филологии. Университетско издателство "Епископ Константин Преславски". Шумен, 1996, с. 115-118;

- Языковедческая русистика в Болгарии. Библиографический указатель 1983- 2007 . ШУ им. Епископа Константина Преславского. Общество русистов в Болгарии. Университетско издателство "Епископ Константин Преславски". Шумен, 2007, 328 с.;

- Языковедческая русистика в Болгарии. Библиографический указатель 2007-2013. ШУ им. Епископа Константина Преславского. Общество русистов в Болгарии. Университетско издателство "Епископ Константин Преславски". Шумен, 2013, 143 с.;

- Болгарская русистика. Альманах. София, 2007, с. 58-67.

- Болгарская русистика. Альманах. София, 2017, с. 22-42 и др.

Тук се дават само данните на дисертациите и книгите, автор и съавтор на които е Д. Митев.

Дисертации:

Дамян Митев. Словообразование суффиксальных отсубстантивных прилагательных в русском и болгарском языках. Дисертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Шумен, 1983, 464 с. (Защитена през декември 1983 г.)

Дамян Митев. Категория возраста в ономазиологическом аспекте языка (на материале русского и болгарского языков). Дисертация за присъждане на научната степен Доктор на филологическите науки. Шумен, 2008, 351 с. (Защитена през януари 2009 г.)

Монографии, учебници, учебни помагала:

Митев Д. Русский язык. Тексты и лексико-грамматические упражнения, ч. I – III. ВНВУ "Васил Левски". Велико Търново, 1971, 458 с. (в съавт. с Игнат Георгиев, Георги Митков, Митка Вулова, Диана Долмова).

Митев Д. Сборник грамматических упражнений по русскому языку. . ВНВУ "Васил Левски". Велико Търново, 1972, 96 с. (в съавт. с Митка Вулова, Елена Максимова, Игнат Георгиев).

Митев Д. Русское словообразование, I. Имена. Изд-во "Народна просвета". София, 1978, 133 с. (в съавт. с Аделаида Смольская).

Митев Д. Современный русский язык (Словообразование и морфология). Учебное пособие для семинарских и практических

- занятий. Унив. изд-во “Еп. Константин Преславски”. Шумен, 1988, 121 с. (в съавт. с Евгений Клобуков, Тотка Иванова).
- Митев Д. Грамматика русского языка в образцах и справочных перечнях. Морфология. Унив. изд-во “Еп. Константин Преславски”. Шумен, 1996, 222 с. (в съавт. с Ценка Митева).
- Митев Д. Грамматика русского языка в образцах и справочных перечнях. Морфология. Второ допълнено издание: Унив. изд-во “Еп. Константин Преславски”. Шумен, 2000, 256 с. (в съавт. с Ценка Митева).
- Митев Д. Словообразовательная структура и семантика отыменных суффиксальных прилагательных в русском и болгарском языках. Унив. изд-во “Еп. Константин Преславски”. Шумен, 2001 г., 335 с.
- Митев Д. Руски език (за специалност Национална сигурност). Унив. изд-во “Еп. Константин Преславски”. Шумен, 2005 г., 267 с. (в съавт. с Ценка Митева).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

Электронные версии статей следует направлять в виде приложения по электронной почте по адресу редакции: **bgrusisty@gmail.com; mailto:bolgrusistika@gmail.com**. В отдельном текстовом документе прилагается справка об авторе: *ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, должность, город, страна, домашний адрес, контактный телефон, электронный адрес*. К публикации принимаются ранее не опубликовывшиеся **авторские материалы на русском языке**.

ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Формат: Microsoft Word.

Размер страницы: А4.

Шрифт: Times New Roman, 12 пунктов.

Междустрочный интервал: одинарный.

Поля: верхнее и нижнее – 2 см, левое и правое – 2,5 см.

Абзацный отступ: 1 см.

Без нумерации, выравнивание по ширине.

ОФОРМЛЕНИЕ СТАТЕЙ

На **русском языке** без сокращений приводятся: *фамилия, имя, отчество автора; должность, ученая степень, ученое звание; название организации; страна, город; адрес эл. почты; заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*, а затем на **английском языке** (*данные автора, заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*).

Просим оформлять данные в одну колонну, как показано:

Борисов Иван Викторович

доктор филологических наук, профессор

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Россия, г. Москва

e-mail: borisov@rambler.ru

Borisov Ivan Viktorovich

Professor, Dr. Sc.

Lomonosov Moscow State University

Russia, Moscow

e-mail: borisov@rambler.ru (10 пт.)

И.В.Борисов (11 пт.)
**ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО
ЯЗЫКА**
(12 пт.)

Аннотация. 10 пт., до 800 знаков с пробелами

Ключевые слова: 10 пт., не более 10 слов

I.V.Borisov (11 пт.)
THE EXPRESSIVENESS OF MODERN POLITICAL LANGUAGE
(12 пт.)

Abstract. 10 пт. до 800 знаков с пробелами

Keywords: 10 пт., не более 10 слов

ОСНОВНОЙ ТЕКСТ СТАТЬИ

Текст на **русском языке**: 12 пунктов, объем: до 20 000 знаков с пробелами. Сноски – постранично, внизу страницы, с использованием сквозной нумерации, арабские цифры, 10 пт. Библиографические ссылки заключаются в квадратных скобках [номер библиографического списка, страница], например: [2], [7, с.84]. Примеры следует давать курсивом. Используются кавычки типа «елочки». Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них. Название иллюстраций дается под ними после слова «Рис.» с порядковым номером (10 пт).

Библиографический список приводится после текста статьи с нумерацией по принципу алфавитного именного указателя фамилий авторов (сначала на кириллице; потом на латинице по латинскому алфавиту). Инициалы не разделяются пробелами. Включаются только работы, указанные в ссылках. Напр.:

Библиографический список (11 пт.)

1. Орлов Л.М. Современная реклама // Стиль. – 2008. – № 4. – С. 65–70 .
2. Сергеева В.П. Проблемы научного текста. – М.: Проспект, 2013. – 156 с.

Материалы, не соответствующие вышеуказанным требованиям, не рассматриваются.

А Д Р Е С Р Е Д А К Ц И И Ж У Р Н А Л А

Дружество на русистите в България
Списание «Болгарская русистика»
ул. Никола Мирчев № 35
София 1113
e-mail: bgrusisty@gmail.com